

На правах рукописи

Дронова Любовь Петровна

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ
МОДАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА:
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

10. 02. 20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

ТОМСК - 2006

Работа выполнена в ГОУ ВПО
«Томский государственный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Резанова Зоя Ивановна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Варбот Жанна Жановна

доктор филологических наук, профессор
Гридина Татьяна Александровна

доктор филологических наук, профессор
Рут Мария Эдуардовна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Новосибирский государственный
университет»

Защита состоится 02 марта 2007г. в ____ часов на заседании диссертационного
совета Д 212.283.02 при ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический
университет» по адресу: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, ауд. 316.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном зале научной
библиотеки Уральского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан ____ января 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Пирогов Н.А.

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена проблеме выявления истоков и путей формирования лексической репрезентации той части сложндетерминированной категории модальности как фрагмента языковой картины мира, которую представляет собой предметная модальность, указывающая на способ существования события, включая основные его предпосылки (возможность, необходимость, желательность), и аксиологическая модальность. Исследование направлено на определение наличия/отсутствия следов исторических отношений, возможных генетических связей и их глубины, ареально-типологической специфики в лексической реализации этих видов модальности, их взаимодействия и культурной детерминированности в рамках рассматриваемого фрагмента русской языковой картины мира.

Актуальность темы

В настоящее время в лингвистике все большее распространение получает представление о невозможности адекватного объяснения языковых процессов в ходе отдельного их рассмотрения в синхронном и диахронном аспектах, о необходимости эти процессы рассматривать в рамках единой динамической, подвижной во времени системы. Сторонники такой точки зрения настаивают на том, что соотношение синхронии и диахронии есть методологическое отражение фундаментального свойства языка – временной динамики, которая является проявлением историчности его существования как одного из общественных институтов. Чреватый негативными последствиями отрыв синхронии от диахронии, возникший в первые десятилетия распространения в лингвистической науке идей Ф. де Соссюра, был преодолен с помощью типологии как способа упорядочивания языкового материала. Развернувшееся в XX веке типологическое изучение языков позволило увидеть в истории языков эволюцию их систем (фонологических, грамматических, лексических) и понять, что магистральные линии в историческом движении языков – это закономерности именно типологического масштаба (Одри Ж. 1988).

Становление антропоцентрической лингвистики, активно осмысляющей свои задачи и возможности, способствовало актуализации проблемы соотносительности синхронной и диахронной стороны рассмотрения фактов изменчивого в историческом времени языка. Как полагает В.А. Плуноян, «для когнитивной теории диахронический аспект описания языка становится едва ли не более важным, чем синхронный аспект: во многом возвращаясь к принципам лингвистики XIX в., это направление провозглашает, что для объяснения языковых явлений апелляция к происхождению этих фактов становится одним из основных исследовательских приемов» (Плуноян В.А. 1998). И в настоящее время обращение к фактам

диахронии в синхронном семантическом описании определяется как идея, которая «носится в воздухе» (Зализняк Анна А. 2001).

Усилению внимания к проблеме соотношения синхронии и диахронии несомненно способствовали успехи современной семантики. Как подчеркнул В.Н. Топоров, определяя характерную черту современной лингвистики, «семантика все более приближается к острию стрелы развития гуманитарных наук и разгадке той тайны человека, которая отделяет его от других живых существ. Само же развитие этой области знания носит интенсивный характер, и в ней можно со временем ожидать прорыва в новые сферы, в частности начала экспериментальных работ по формированию смыслов и их целенаправленному изменению» (Топоров 2005). В свете такой эвристической значимости семантики и этимология как один из аспектов изучения изменчивых во времени языков определяется не просто как отрасль исторического языкознания, фиксирующая некоторое исходное состояние фактов языка, но как «смыслостроительная» дисциплина, получающая объяснительную силу через выявление, конструирование связей внутри семантической структуры слова.

В настоящее время исследователи разных стран все чаще высказывают мнение о важности соотнесения результатов семантических исследований с потребностями и возможностями этимологии как научной дисциплины. Свидетельством понимания значимости эвристических возможностей этимологии, необходимости на современном этапе развития лингвистики обобщить наработки в области семантической деривации в синхронии и диахронии служат заявленные крупные проекты, такие как «Каталог семантических переходов» (Зализняк Анна А.), «Исторический словарь современного русского языка» (Бабаева Е.Э., Журавлев А.Ф., Макеева И.И.).

На проходившей в сентябре 2005 года в Брно очередной международной встрече этимологов славянских стран было особо подчеркнуто усиление интереса к интердисциплинарному подходу, основанному на соотнесении и сочетании данных смежных наук. Повышенное внимание исследователи оказывают тем аспектам анализа языковых фактов, которые способствуют выявлению скрытых резервов этимологического анализа и, тем самым, помогают углубить общий контекст исследования.

Задачи проведения междисциплинарных исследований с неизбежностью ставят перед научным сообществом проблему дальнейшего развития их теоретической базы, обсуждения эффективности интегрирования разных (и определенных) методов и подходов при анализе фактов языка, обращения к ожидаемой эвристичности интегративного метода в решении вопросов интерференции (конвергентной стороны развития языка) не только применительно к отдельным ареалам (например, карпато-балканскому), но и в отношении разных этапов формирования языка народности (этноса).

В связи с укоренением в современной лингвистике когнитивного подхода к фактам языка и обозначившейся важностью междисциплинарного подхода актуализируется еще одна проблема комплексного лингвистического исследования. Представление о том, что языковые процессы не могут быть адекватно объяснены при их разделении на синхронные и диахронные, определяет не только методiku, но и методологию исследований, поскольку адекватность описания языкового факта не может быть достигнута без преодоления жесткого разграничения, противопоставленности внутреннего и внешнего в языке, в условиях игнорирования культурной преемственности фактов языка и целых этапов его развития (ср. Е.С. Яковлева 1998: анализ понятия «культурная память» в применении к семантике слова; Т.М. Николаева 2002: постановка проблемы «скрытая память» языка), вообще без учета фундаментального онтологического свойства языка – его глобальной непрерывности. Проведение исследования как интегрального, целостного (в синхронной и диахронной проекции), при восприятии факта языка одновременно и как факта культуры, попытка представить «культурно-языковой портрет описываемого объекта» (Е. Бартминский) в развитии определили заявленную этнолингвистическую проблематику данной работы.

Обозначенное новое понимание комплексного междисциплинарного подхода применено в реферируемой работе к исследованию становления и эволюции модально-оценочной лексики, культурномаркированной и весьма важной в системе любого языка, но ставшей особенно значимой в связи с обращением современного лингвистического интереса к антропоцентрической стороне языка, проявленности в нем субъективного (человеческого) начала. Вслед за рядом ученых оценочность нами рассматривается как вид модальности: оценка во многих случаях входит как один из компонентов в конструкции, в основе которых лежат другие виды модальности.

Присутствие оценочных значений в модальной зоне есть следствие того, что модальность является одним из основных «эгоцентрических» механизмов естественных языков. И именно поэтому лексика с общеоценочным значением, фиксирующая выбор, предпочтения определенного времени через обобщение конкретного признака до максимально значимого и мотивирующего общую оценку, особенно важна в лингвокогнитивном аспекте. Лексика эта изначально идеологична, поскольку несет информацию о характерных для данного этапа развития культуры представлениях о том, что хорошо и что плохо, а следовательно, что желательно и что должно. Это, в свою очередь, свидетельствует о тесной связи оценочности с модальностью необходимости: оценка соотносится с долженствованием прежде всего в социальном аспекте, отражая принятые стереотипы суждений о действительности и поведении. «К существенным моментам, одновременно отсылающим как к материальной, так и к духовной культурным традициям, следует причислить аксиологические установки, свойственные

данному человеческому сообществу. Последние, однако, чрезвычайно нечасто затрагиваются в связи с реконструкцией особенностей той или иной этнической культуры через языковые свидетельства» (А.Ф. Журавлев 1999).

Проблема модальности как языковой категории является предметом многолетних дискуссий, в ходе которых были высказаны различные, порой противоположные точки зрения на ее семантику и структурную организацию. Значительность расхождений во мнениях ученых связана с функционально-семантической сложностью, многоаспектностью этой категории. В традиционно широком понимании (идущем еще от В.В. Виноградова и Ш. Балли), характерном для многих отечественных (Петров 1982; Бондарко 1990; Нагорный 2000 и др.) и зарубежных ученых (Балли 1955; Есперсен 1958; Адамец 1968, Бенвенист 1974 и др.), модальность – это широкоохватная категория, включающая и семантические составляющие эмоционального плана, коммуникативно-прагматического уровня, детерминации (утверждение – вопрос – побуждение, реальность – достоверность – вероятность – нереальность, утверждение – отрицание, необходимость – возможность – намерение и т.п.).

Однако при таком подходе увеличивается «расплывчатость» семантического объема категории модальности, в последнее время намечается тенденция к предельному расширению границ этой категории и смыканию ее с понятием субъективности (Т.В. Шмелева 1984). Это, в свою очередь, вызывает стремление исследователей ограничить или дифференцировать понятие модальности, установить функциональную иерархию в структуре предложения отдельных семантических пластов, связанных со «строевой ролью» модальности, сузить понятие модальности, хотя при этом осознается связанная с недооценкой диалектической связи номинативного и прагматического аспектов высказывания опасность подобного сужения, могущего повлечь за собой немотивированный отказ от общепризнанного представления о многоуровневом характере категории модальности (Колшанский 1975; Арутюнова 1976, Ваулина 1988).

В этом плане представляется, что существенное прояснение причин сложности структурирования категории модальности, неоднозначности в определении ее семантического объема может быть достигнуто при более активном обращении к истории этой языковой категории через выявление ее «языкового следа» на разных этапах истории лексики русского языка, через динамику ее представления на лексическом уровне, через обнаружение «пересечения» лексических показателей модальности (в данном случае – предметной) и оценки (аксиологической модальности) как результата объединения объективного и субъективного начал в целостную категорию, именуемую модальностью.

Объектом данного исследования является модальная сторона языковой картины мира.

Предмет исследования составляет лексическая экспликация аксиологической и предметной модальности в ее историко-культурной детерминированности.

Цель данного исследования – представить через лексическую экспликацию этапы становления этноспецифичной когнитивной модели аксиологической и предметной модальности в истории русского языка.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

1. Выявить основной фонд модально-оценочной лексики русского языка в ее историческом развитии от древнерусского к современному русскому языку.
2. Выработать оптимальные параметры интердисциплинарного диахронного исследования с опорой на имеющиеся достижения в области изучения современных и исторически отмеченных лексических средств представления общей положительной и отрицательной оценки (аксиологическая модальность) и предметной модальности (модальность возможности, необходимости, желания) в рамках различных научных школ и направлений.
3. Обосновать теоретически и проверить на конкретном материале (модально-оценочная лексика) координируемость результатов разных методов анализа семантики в синхронии и диахронном построении (реконструкции), акцентируя внимание не только на объяснительном потенциале диахронии по отношению к синхронным явлениям, но и на возможности выводов синхронного семантического исследования выступать в качестве верификационного средства по отношению к диахронному построению, возможности, обусловленной современным уровнем семантических исследований.
4. Доказать в рамках данной работы как интердисциплинарного исследования значимость приема корреляции лингвокультурологического, этимологического (сравнительно-исторического) и когнитивного аспектов рассмотрения предмета исследования.
5. Изучить функционально-семантическую специфику, особенности семантической и формальной деривации лексики субстратно-суперстратного происхождения, фиксирующей содержание категории модальности и являющейся результатом конвергентной стороны развития языка.
6. Реконструировать мотивационные отношения единиц модально-оценочной лексики в рамках этимологических гнезд, в составе которых сформировалась эта лексика. Решение данной задачи дает возможность выявить типологию дескриптивных (мотивационных) семантических признаков модальных слов, легших в основу функционально-семантической специфики данной лексической группы, что позволяет через учет генетических связей определить историко-ареальное и культурное взаимодействие восточных славян.

7. Исследовать истоки становления (с учетом хронологических и историко-культурных параметров), особенности семантической трансформации и причины возникающей многофункциональности лексических средств, реализующих в языке рассматриваемые виды модальности.

8. Обозначить миромоделирующие возможности модально-оценочной лексики русского языка.

Материалом исследования послужила модально-оценочная лексика русского языка в ее историческом развитии от древнерусского до современного русского языка, в дефинициях и определении границ которой мы следовали прежде всего за Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюновой, С.С. Ваулиной. А именно: источником предназначаемой для анализа лексики послужили, во-1-х, толковые словари русского литературного языка (БАС, МАС, Ожегов, Ушаков) и его территориально ограниченных вариантов (СРНГ, СРДГ, СРГК, Псковский обл. словарь, Новгородский обл. словарь, Мельниченко Г.Г., Слоўнік беларускіх гаворак и др.) в сопоставлении с данными толковых словарей других славянских языков (А. Дювернуа, Б.Д. Гринченко, И.И. Носович, Макед.-рус. словарь, С.-хорв.-рус. словарь, Большой словацко-рус. словарь, W. Doroszewski, и др.); словари, отражающие парадигматические связи в этих языках (словари синонимов, антонимов – Краткий словарь шести слав. яз. Ф. Миклошича, М.К. Клышка, Л. Нанов, С.D. Buck, Dajkovic etc.), во-2-х, исторические словари русского языка и других славянских языков (СлРЯ XI–XVII вв., СлДрЯ XI–XIV вв., СлРЯ XVIII в., СНРР, Е. Тимченко, Гістарычны слоўнік беларус. мовы, J. Gebauer, Słownik polszczyzny и др.), в-3-их, этимологические словари славянских языков (М. Фасмер, П.Я. Черных, А.Г. Преображенский, ЭССЯ, В.И. Абаев, И.М. Стеблин-Каменский, ЕСУМ, ЭСБМ, БЕР, F. Bezlaj, P. Skok, V. Machek, E. Fraenkel, W. Lehmann etc.), в-4-х, картотека Словарного сектора Института лингвистических исследований РАН, картотека кабинета им. Б.А. Ларина СПбГУ и картотека Словаря древнерусского языка и Словаря XI–XVII вв.

Решению поставленных задач способствовало использование результатов исследования лексических средств представления модальности в памятниках письменности С.С. Ваулиной, рассмотревшей так называемую предметную модальность (модальность возможности, необходимости, желательности) с точки зрения эволюции средств ее выражения в русском языке на протяжении XI–XVII веков (Ваулина 1988), были учтены также отдельные наблюдения по этому вопросу в работах О.А. Черепановой, К.Н. Озолиной, С.И. Небыковой, О.Л. Кочетковой (Черепанова 1965; Озолина 1970; Небыкова 1973; Кочеткова 1996). Кроме того, для реализации интегративного метода важное значение имел результат исследований, рассматривающих особенности современного функционирования этой группы лексики в

русском языке и на пространстве славянских языков (в рамках анализа функционально-семантического поля, построения соответствующего концепта и др.) – работ Р.В. Алимпиевой (1986, 2001), С.М. Толстой (2003), Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева (1991) и др. Из предшествующих исследований лексических средств представления аксиологической модальности следует назвать прежде всего кандидатскую диссертацию О.А. Фелькиной, целью которой было установление основных закономерностей становления и развития лексико-семантической группы общей оценки на протяжении всей истории русского языка – от выделения его из праславянского и до современности (Фелькина 1990). Учтены выводы исторического анализа производных отдельных этимологических гнезд, включающих интересующий нас материал. Речь идет о диссертационном исследовании Л.А. Балясниковой (1974), рассмотревшей лексико-семантическое развитие слов с этимологическим корнем *доб-* и Ю.К. Хачатуровой (1999), проанализировавшей функционально-семантические особенности слов с корнем *год-*. С типологической точки зрения интересен ономазиологический взгляд на лексику со значением ‘хороший’ и ‘плохой’ древнеиндийского и древнеиранского языков, данный в давней, но сохраняющей значимость работе Э. Швицера (Schwyzer 1919).

Общеоценочные лексемы выражают основные мировоззренческие категории, положительное и отрицательное отношение к явлениям действительности, не удивительно поэтому, что отдельные слова с семантикой общей оценки привлекли внимание целого ряда исследователей (Обнорский 1929, Варбот 1980, Шрамм 1983 – о *хороший*; Филин 1962 – о *плохой* и *хороший*; Сороколетов 1966 – о *лихой*; Соколовская 1967, 1970 – о *добрый*, *хороший*; Прохорова 1968 – о *благой*; Петлева 1981, Сумникова 1986 – о *лютый*; Берестнев 1999, Вендина 2002 – о *добро*, *благо*, *зло* и нек. др.).

В результате из разных источников извлечено для интердисциплинарного диахронного анализа ок. 50 лексем, рассмотренных в составе производящих этимологических гнезд общеславянского и индоевропейского уровня (27 ЭГ).

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые осуществляется интегративный подход к интердисциплинарному диахронному представлению модально-оценочной лексики русского языка. Суть подхода и его новизна заключаются в следующем:

1. В диссертации разработаны и актуализированы теоретико-методологические основания, определены оптимальные параметры для комплексного диахронного исследования как интердисциплинарного по своей сущности и интегративного. Интегративность в данном случае выражается в доказательстве автором важности на отдельных этапах исследования привлечения приемов разных подходов, методов при системности исследования. Собственно другой стороной интегративности является интердисциплинарность, поскольку при

этимологизировании слова важен поиск пересечения координат не только разных языковых, но и историко-культурных систем.

2. Впервые в диссертационном исследовании модально-оценочная лексика русского языка представлена в комплексном диахронном исследовании, в котором проводимый системный историко-этимологический анализ на уровне этимологических гнезд, учитывающий в ряде случаев и их синонимические отношения, дополнен обязательностью историко-ареальной квалификации. В результате чего в интерпретационной части работы «центр тяжести» смещен с установления собственно языковых фактов – генетических связей членов описываемой лексической группы – на определение границ изоглоссы, на междисциплинарную оценку культурного ареала, очерченного лексической изоглоссой, и выявление соответствия/несоответствия данной семантической модели определенной «парадигме эпохи» (термин «парадигма эпохи» употребляем в трактовке Ю.С. Степанова). С другой стороны, выводы такого диахронного рассмотрения соотносятся с логико-семантической, синхронно-когнитивной, характеристикой того же материала с целью верификации результатов диахронного анализа синхронным: синхрония как факт реализовавшейся диахронии.

3. Заявленный методологический подход дал возможность определить, с одной стороны, исходное (синкретичное) языковое представление «возможных миров», наличие и степень взаимодействия разных видов модальности, взаимосвязь у исконной лексики значений общей положительной оценки и значения долженствования. С другой стороны, этот ракурс исследования дал основание предложить новые этимологические решения для части модально-оценочной лексики, обусловленные учетом типичности/нетипичности семантической модели для данной лексической группы, совместимости/несовместимости предполагаемой историко-культурной парадигмы и хронологических параметров.

4. Новый подход позволил выявить историко-культурные корни становления категории модальности, основных ее видов. Предложенная типизация лингвистического материала через историко-культурные схемы («культурно-обусловленные сценарии») дала возможность увидеть историческую устойчивость структуры некоторых представлений и через тысячелетия, корреляцию логики формирования модально-оценочных смыслов и определенных историко-культурных континуумов, представленную в типологических и генетических, лексико-семантических, изоглоссах, «возмущающее» инокультурное влияние в процессе осмысления славянами таких культурнозначимых категорий, как ‘хорошее’, ‘плохое’, ‘должное’, ‘возможное’, ‘желаемое’.

Методы и приемы исследования

Цель и задачи исследования определили круг методов и приемов анализа языкового материала. Метод научного описания, ориентированный на выявление многообразных связей и

отношений лексических единиц, их классификацию и теоретическое обобщение, использовался с целью представить модально-оценочную лексику как фрагмент лексической системы языка. В рамках описательного метода применялись общенаучные приемы непосредственного наблюдения, систематизации, интерпретации. Кроме того, делалась попытка учесть результаты разных современных методов и методик анализа семантики в синхронии (логический, концептуальный и другие виды анализа языковой семантики).

Синхронное описание проводится вне всяких исторических соображений. И вместе с тем, синхронное описание современного состояния языка есть не что иное, как проникновение через непосредственно наблюдаемые и подвижные факты в систему этого языка, скрытую от непосредственного наблюдения. Тем самым синхронное описание современного состояния языка, выявляющее систему языка, оказывается первым этапом исторической реконструкции. Из этого следует единство синхронного описания и исторической реконструкции, единство современного и исторического. Современная система какого-либо языка – это последний этап развития предыдущей системы. Хотя «все синхронные соотношения в принципе вовсе не обязательно должны совпадать целиком с диахронными отношениями предыдущих этапов» (Степанов 2002).

Основным методом данного исследования стал сравнительно-исторический метод, поскольку именно при помощи этого метода главным образом выясняется эволюция единиц языка. Восстановление сложных единиц языка-основы (морфем, лексем) позволяет проследить судьбу их изменений в разных языках, следовательно, объяснить со всей полнотой исторических данных единицы современных языков. «Сравнительно-исторический метод обращен на современные языки: чем более в глубь истории прослежена судьба какого-либо языка, тем более обстоятельно и широко освещено его современное состояние» (Рождественский 2000).

Основные направления развертывания сравнительно-исторического метода – внутренняя и внешняя реконструкция. Всякая внутренняя реконструкция, по мере того как она отдалается от современного исследователю момента времени, постепенно переходит во внешнее сравнение. Если синхронное описание совпадает с начальным этапом внутренней реконструкции, то внутреннюю реконструкцию можно рассматривать как обобщение фактов исследуемого материала во времени, а внешнюю как обобщение данных в пространстве.

Общий принцип лингвистического единства «языковая система – пространство – время», принимаемый нами в интерпретации Ю.С. Степанова, предполагает возможность корректировки результатов внутренней реконструкции данными внешней. Но в современной лингвистике осознается и возможность обратного направления такой корректировки «Не менее важно подчеркнуть, так как на это не обращалось достаточного внимания, что тот же принцип

(лингвистического единства – Л.Д.) позволяет корректировать внешнее сравнение и сравнительно-исторический метод вообще данными внутренней реконструкции» (Степанов 2002). Такое направление верификации диахронного построения принципиально важно для данного рассмотрения модально-оценочной лексики.

Тот же общий принцип лингвистического единства «языковая система – пространство – время» обозначает как необходимый компонент в историческом компаративном анализе лингвогеографический метод, позволяющий дать ареальную историко-культурную оценку выявленной изоглоссе. Рожденный в лоне индоевропейской компаративистики в середине XIX в. в качестве дополнения к сравнительно-историческому методу, он стал основным методом отдельной лингвистической дисциплины – ареальной лингвистики, объект исследования которой – языковой ландшафт, цель – его содержательная (историческая и структурная) интерпретация.

На стыке сравнительно-исторического и историко-культурного рассмотрения определяется и когнитивная модель эксплицированного в языковом материале объекта исследования. Метод моделей в исторических реконструкциях весьма актуален, в трактовке его содержательной стороны мы следуем за Ю.С. Степановым: лингвистическая модель – это «воспроизводство динамического аспекта структуры естественного языка или ее относительно самостоятельного фрагмента в каком-либо материальном предмете или, вместо воспроизводства, обнаружение сходства в динамике преобразования их структур».

Когнитивный подход позволил рассматривать картину лексико-семантического поля модально-оценочной лексики, преимущественно ядерная часть которой была предметом анализа данного исследования, как результат, отражающий развитие познавательной деятельности человека и, следовательно, развитие той части лексико-семантической системы языка, которая связана с модальной стороной языковой картины мира.

На современном этапе развития лингвистики обязательным спутником сравнительно-исторического метода является типологический метод. Особенно сближают компаративистику и типологию понятия праязыка и языка-эталона. Применение типологического метода дает «подсказку» возможных путей формальных и семантических изменений. «Типологические ограничения значительно снижают степень произвольности диахронических построений. Требование типологической правдоподобности, согласно которому реконструкция не должна по крайней мере противоречить тому, что нам известно о фактах живых или хорошо засвидетельствованных языков, ограничивает область выбора возможных решений» (Чекман 1979).

Сравнительно-исторический и типологический методы могут быть представлены как составная часть более общего метода – сопоставительного. Сопоставительный метод,

применяемый к генетически разнородным языкам, не имевшим общего праязыка, не может дать представления об эволюции языковых единиц, языкового строя. Поэтому выясняемые с его помощью закономерности касаются структурных характеристик элементов и системы языка при их влиянии друг на друга в условиях языковых контактов (в нашем случае, например, славянских и финно-угорских).

Таким образом, определив основной ряд методов и приемов современного диахронного анализа и отметив точки их сопряжения, можем в целом это обозначить вслед за О.Н. Трубачевым как интегрированный метод. «Любой метод, как мы знаем, не безграничен, нужно от каждого метода брать лучшее и не пугать жупелом эклектичности ни себя, ни других, помня, что сложность языковых явлений, вообще – явлений действительности, превосходит возможности любого метода. Неслучайно наука нового времени все более склоняется к интегрированному методу, куда входят 1) генетическое сравнение, 2) внутренняя реконструкция, 3) структурная типология» (Трубачев 2004: 514). Другой стороной такого исследования является его междисциплинарность, что в данной работе сказалось в привлечении аргументов специалистов смежных наук (истории, археологии, антропологии, этнографии).

В методическом отношении нам близки принципы диахронного исследования, определяемые В.В. Мартыновым в ряде его работ и еще раз обозначенные в новом издании книги «Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян» (2004 г.). Такое исследование предполагает, во-первых, строгую ретроспективу при анализе материала (типологический принцип Бодуэна де Куртенэ): для ранних (доисторических) состояний языков не должно реконструироваться ничего такого, что не наблюдалось бы прямо или косвенно в исторический период их существования. Во-вторых, поиску этимона всегда должна предшествовать пространственно-временная стратификация слова, это, в свою очередь определяет приоритет лингвогеографической эвристики относительно эвристики поиска этимона. И третье. Значимое место в таком исследовании занимает учет возможностей лексического взаимопроникновения древнейшей поры, учет специфики лексики (шире – языкового явления), возникшей в условиях субстратно-суперстратных отношений. Как инструмент определения стратификации результатов этноязыковых контактов рассматривается ареально-генетическая характеристика лексем одинаковой или близкой понятийной отнесенности (синонимический ряд, семантическое поле). Кроме того, позиции комплексного диахронного исследования, безусловно, укрепляет методический прием диахронного анализа рассматриваемой лексики в составе этимологического гнезда (Варбот 1990).

Теоретическое значение исследования определяется вкладом в разработку теории и методики интердисциплинарного диахронного исследования, в определение исторических основ представления категории модальности на лексическом уровне.

В диссертационной работе предложены параметры комплексного интердисциплинарного подхода, основанного на преодолении разрыва между синхронией и диахронией (акцент на верифицируемость диахронного построения функционально-семантической характеристикой синхронного плана для языковой единицы) и на соотнесении и сочетании данных смежных наук, обоснованном наличием триады *действительность – культура – язык*. Теоретическое значение имеет определение тех аспектов, которые способствуют выявлению скрытых резервов этимологического анализа и тем самым помогают углубить общий контекст исследования.

Результат проделанного исследования вносит определенный вклад в разработку теории контактологии, в евроазиатскую проблематику славян и древнерусского этноса, показывая зависимость результата контактирования не только от его длительности, интенсивности, но и культурного «вызова» эпохи. Автором выявлена диагностичность обнаружения «слома» в закономерном развитии исходной семантики, нарушения логики мотивационных связей как показателя субстратно-суперстратных отношений, конвергентной стороны развития языка. Это можно рассматривать как вклад в теорию субстратно-суперстратных отношений, являющуюся самостоятельной частью общей науки контактологии.

Диахронное исследование модально-оценочной лексики позволило показать неслучайность теоретически неоднозначных решений относительно содержания и структуры категории модальности (и в широком, и в узком понимании), глубину межкатегориальных связей. Таким образом подтверждается необходимость, значимость соотнесения результатов синхронного представления объекта исследования с выводами диахронного построения и применительно к теории модальности выявляются причины сложной детерминированности категории модальности, влияние на ее содержательную и функциональную неоднородность этой категории историко-культурных факторов..

Вкладом в теорию номинации являются определяемые в работе семантические модели и их типология в лексической экспликации общей положительной и отрицательной оценки, семантические модели и их эволюция в лексическом представлении модальности необходимости, возможности, желательности. Эти результаты исследования важны для обоснования значимости диахронного аспекта когнитивных исследований на уровне реконструкций в рамках системного комплексного интердисциплинарного исследования.

Практическая значимость работы определяется прежде всего из проведенного историко-этимологического анализа обширного и систематизированного лексического материала с привлечением новых лексикографических данных по территориально

ограниченным вариантам национального русского языка, некоторых других славянских языков и с учетом предлагающихся в последнее время новых этимологических подходов. Результаты собственно лингвистических процедур были соотнесены с историко-культурными и ареальными ситуациями, что позволило предложить ряд новых вариантов решения относительно происхождения и культурной обусловленности становления, эволюции модально-оценочной лексики.

Материалы диссертации могут быть использованы как в исторической лексикологии, так и в исследованиях культурологического, когнитивного характера, в лексикографических описаниях историко-этимологического, этнолингвистического типа. Также материалы работы могут найти применение и в учебно-педагогической практике: в преподавании курсов лексикологии (литературного и диалектного языка), спецкурсов и спецсеминаров по проблемам лексической и когнитивной семантики, теории мотивации, лингвокультурологии и этнолингвистики, могут использоваться в курсах, предполагающих сопоставление фрагментов русской языковой картины мира с инославянскими, другими индоевропейскими, привлекаться в практике преподавания русского языка иностранцам.

Основные положения, выносимые на защиту

1. В акте освоения окружающего мира познание и оценка неотделимы, следствием этого является вероятность связи истоков общей положительной оценки и категории бытийности, существования в ее антропоцентрической представленности (прежде всего в варианте партисипации): то 'хорошо', что есть 'сущее/существующее' и присвоенное субъектом (реально или виртуально), 'свое'.

2. Средства лексической экспликации модальности необходимости, возможности, желательности лишь в незначительной части являются регионализмами индоевропейского уровня. В представлении аксиологической модальности практически нет лексических средств, по своему происхождению относящихся к столь глубокому хронологическому уровню, хотя в сфере представления общей отрицательной оценки славянская традиция, возможно, продолжает индоевропейскую, образуя представление о плохом из исходного 'недостаток/излишек/непарность' (при отсутствии прямых продолжений и.-е. **du-* в славянских языках). Этот семантический признак не представлен и не определяет семантическую эволюцию только в заимствованных лексемах.

3. Значительная часть лексической экспликации рассмотренных видов модальности сформировалась в праславянский и общеславянский периоды, в том числе в результате диалога славянской и соседних культур:

а) формирование той части аксиологической модальности, которую представляет собой общая оценка, сохраняет следы разных этапов европейской и евроазиатской истории славян,

имеет определенные следы взаимодействия с кельтами, отражает тесное взаимодействие славян с германцами (близость, но не тождество в слав. *god-~ герм. *gōd-; отдельные заимствования; типологические схождения), но более всего прослеживается воздействие иранской лингвокультуры (прежде всего, скифо-сарматского субстрата), при этом балтийские языки остаются в стороне от этого процесса (за исключением неясных балтийских корреспонденций у прилагательного *ладный* и диал. *благой* 'плохой');

б) лексические средства представления модальности необходимости/долженствования в сравнительно-историческом аспекте позволяют увидеть, с одной стороны, близость используемых лексических средств на ранних этапах взаимодействия славян и германцев, западных балтов, с другой – следы общего историко-культурного контекста славян и балтов, иранцев и с третьей – вероятность кельтского влияния субстратно-суперстратного характера;

в) исторически основное и устойчивое лексическое средство экспликации модальности возможности продолжает традицию представления о возможном, сложившуюся и закрепившуюся в славяно-германском ареале, претерпевшую определенные изменения в балтийской культурно-языковой традиции;

г) экспликация модальности желательности демонстрирует определенное сходство средств и способов ее выражения в древнерусском (славянских) и балтийских языках.

4. Формирование и эволюция лексических средств выражения общей положительной оценки в истории русского языка происходила по определенным семантическим моделям: 1. (синкретичная) утилитарно-нормативная//эстетическая оценка → общая оценка, 2. эстетическая оценка → общая оценка, 3. сенсорно-вкусовая оценка → общая оценка (? усвоенная из субстрата модель), 4. общая оценка → общая оценка (в случае заимствования).

5. Динамическая модель общей положительной оценки позволяет увидеть этапы участия славян в евроазиатском фронтире и результаты гармонизации, освоения/присвоения в новом культурном пространстве (выделение двух хронологических пластов в исследуемой лексике, средневекового и предшествующего ему раннеславянского, как отражение перехода от исходно европейского к более позднему евроазиатскому этапу истории славян, сопровождающемуся сменой основания оценки): семантическая модель прагматическая//эстетическая оценка → общая оценка эволюционирует в направлении эстетическая оценка → общая оценка. Типичное направление развития общей оценки (от частнооценочного значения к общеоценочному) нарушается в случаях, когда языковое представление общей оценки является следствием межкультурного взаимодействия.

6. В модальности возможности становление понятия «мочь» определяется через соотнесение первоначально с признаком наличествующей физической силы, а затем происходит осмысление значимости духовной силы, крепости и далее следует виток

рационального представления понятия «мочь» (через такие параметры, как целеустремленность действия, его обеспеченность интеллектуальным потенциалом).

7. Основные лексические средства выражения семантики желания исторически являются региональными континуантами, имеющими генетические связи в балтийских, германских и древнегреческом языках. Развитие понятия «желать» на древнерусском уровне заключается в рациональном осмыслении 'желать' как акта ментальной деятельности, как дискретного процесса, сопровождающихся эмоциональными переживаниями.

8. Лексические средства выражения модальности необходимости демонстрируют:

а) наиболее раннее и архаическое противопоставление, представляющее необходимость еще в рамках потребности как инициированной субъектом, так и внеположенной причинно по отношению к субъекту; исторически структуру семантического поля модальности необходимости можно представить следующим образом: 'необходимо' то, что 1) 'есть нужда, принуждение извне, не оставляющее выбора для субъекта', 2) 'является внутренней, жизненно важной потребностью субъекта', 3) 'возмещение вины/проступка' и 4) 'соответствует принятой норме/обычаю (виду, образу, способу действия, порядку вещей)';

б) языковое выражение персонально осознаваемого долга закрепляется за *должень* (*дължьнь*), *имамь* рано теряет функцию выражения модальности необходимости, вероятно, в силу своей многофункциональности и неспособности выражать деонтическую модальность, как и *повинень*, семантика которого отражает архаическую стадию правовых отношений;

в) в исторической перспективе по нарастающей идет, с одной стороны, взаимодействие и взаимопроникновение объективного и субъективного видов модальности необходимости, с другой стороны, к новому времени усиливаются средства представления деонтической модальности.

9. Исследование в заявленном ракурсе определило исходную синкретичность в языковом представлении «возможных миров», наличие и степень взаимодействия разных видов модальности, тесную взаимосвязь у исконной лексики значений общей положительной оценки и значения долженствования. Когнитивная основа развития лексико-семантических микрополей, представляющих аксиологическую и предметную модальности, их способность адаптироваться к потребностям более точного и нюансированного отражения модальных аспектов речи находит выражение в функционально-семантической дифференциации образующих эти микрополя единиц. В целом эту широкую тенденцию можно охарактеризовать как определившееся к XVI в. стремление освободиться от синкретизма представления модальных, субъекта представляющих сторон языка, добываясь их более четкого, дискретного отражения в процессе уточнения соотношения между элементами, принадлежащими к центру и периферии.

10. Эвристичность системного и семантико-типологического подхода к рассматриваемому материалу обусловила возможность предложить новые этимологические решения для части модально-оценочной лексики (типичность/нетипичность семантической модели, совместимость/несовместимость предполагаемого решения с историко-культурной парадигмой и хронологическими параметрами).

11. Типизация лингвистического материала через историко-культурные схемы («культурно-обусловленные сценарии») позволила увидеть историческую устойчивость, насчитывающую тысячелетия, структуры представлений, корреляцию логики формирования модальных смыслов и определенных историко-культурных континуумов, представленную в лексико-семантических изоглоссах типологического и генетического характера, «возмущающее» инокультурное влияние в процессе осмысления славянами таких культурнозначимых категорий, как ‘хорошее’, ‘плохое’, ‘должное’, ‘возможное’, ‘желаемое’

12. Реализация интегративного и интердисциплинарного подхода в диахроническом исследовании выявила глубокие историко-культурные корни становления категории модальности, ее основных видов – аксиологической модальности, модальности необходимости, возможности, желательности, этапы становления этноспецифичной когнитивной модели аксиологической и предметной модальности в ее лексической экспликации в истории русского языка.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на кафедре общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (июнь 2006 г.). Основные положения и результаты исследования были апробированы при обсуждении научных докладов на 14 международных, 9 всероссийских, 3 региональных научных конференциях, на лингвистическом семинаре в РГГУ (январь 2006 г.). В числе конференций I Всероссийская конференция по проблемам сравнительно-исторической индоевропеистики (Москва, МГУ, 3–6 февраля 1997 г.); Международная конференция «Проблемы сравнительно-исторического языкознания в сопряжении с лингвистическим наследием Ф.Ф. Фортунатова» (Москва, МГУ, 27–29 января 1998 г.); Международная конференция «XXII Дульзоновские чтения: Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур» (Томск, ТГПУ, 27–29 июня 2000); III и IV Славистические Чтения памяти проф. П.А. Дмитриева и Г.И. Сафронова (СПб., СПбГУ, 12–14 сентября 2001 и 2002 гг.); IV Международная научная конференция «Русская диалектная этимология» (Екатеринбург, УрГУ, 22–24 октября 2002 г.); Международная научная конференция «Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы» (Москва, МГУ, 22–24 января 2003 г.); Всероссийское совещание славистов «Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития» (Москва,

институт славяноведения, 23–24 октября 2003 г.); Всероссийская конференция «Мировоззренческие реконструкции традиционного сознания в евроазиатском сообществе: стереотипы и трансформация» (Томск, ТГУ, 2–4 декабря 2003 г.); Международная научная конференция «Актуальные проблемы русистики: языковые аспекты регионального существования человека» (9–11 ноября 2005 г.); V Международная научная конференция по сравнительно-историческому языкознанию «Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспекте» (Москва, МГУ, 31 января–3 февраля 2006 г.) и другие.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех основных разделов, Заключения, списка словарей и использованной литературы, списка сокращений, приложения, состоящего из схем и карт.

Основное содержание работы

Во **Введении** дается краткое историографическое представление об изучении модально-оценочной лексики, обосновывается актуальность работы, ее новизна, теоретическое и практическое значение, формулируются цели и задачи, определяются объект и предмет исследования, описывается материал, методы и приемы его изучения, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

Раздел I «Методология и методика интердисциплинарного исследования: взаимодействие подходов и методов» состоит из четырех глав, в которых рассматриваются важные для данной работы теоретические, методолого-методические вопросы, дается анализ современных воззрений на категорию модальности, соотнесение модальности и оценочности, а также определяется значимость для предлагаемого типа исследования учета динамики историко-культурных параметров носителей анализируемого языка, формирующихся во взаимодействии с другими культурными традициями, особенностей функционирования лексики субстратно-суперстратного происхождения.

В первой главе **«Синхрония и диахрония в контексте современной научной парадигмы и проблема методов исследования»** в центре внимания – проблема соотношения синхронного и диахронного этапов исследования. Ф. де Соссюр впервые противопоставил синхронию и диахронию («Курс общей лингвистики», ч. 1, гл. 3). Разграничение как противопоставление синхронии и диахронии уже с самого начала не было поддержано рядом видных лингвистов (О. Есперсен, Дж. Ферс, В. фон Вартбург). В России идеи Соссюра нашли не слишком много поклонников. «Относительно прошумевшей посмертной книги де Соссюра можно уверенно утверждать, что в ней нет никаких новых положений, которые не были бы нам уже известны из учения Бодуэна де Куртенэ», –

отмечал известный лингвист Е.Д. Поливанов (1968: 185). Противопоставлением синхронии и диахронии тяготелись даже сторонники структурной лингвистики. Члены Пражского лингвистического кружка (Р. Якобсон, Н.С. Трубецкой) выступали против дихотомии синхрония – диахрония, против отождествления синхронии и статики.

Актуализации проблемы соотношения синхронного и диахронного аспектов рассмотрения языковых явлений в практической плоскости в конце XX в. предшествовало признание этого соотношения «узловым вопросом всего теоретического языкознания» на дискуссии 1957 года, поскольку за этим противопоставлением стоит разное понимание природы языка. Опубликованные материалы дискуссии разноаспектно представляют предмет дискуссии: единство синхронии и диахронии как следствие специфики языковой структуры, синхрония и диахрония и вопросы реконструкции и т.п. Обобщающее мнение участников дискуссии сформулировано в докладе Б.В. Горнунга: «...каждый факт языка и существует, и может быть понят в системе только при определении его двумя типами связей – связей с другими элементами системы, в которую он входит в данный исторический момент, и связей с предыдущим и последующим состоянием самого этого факта». Материалы этой дискуссии сохраняют свою значимость и для лингвистики наших дней.

Необходимость преодоления раскола между так называемой синхронной и диахронной лингвистикой была очевидна для многих авторитетных представителей сравнительно-исторического языкознания (Э. Бенвенист, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев и др.). О.Н. Трубачев (1998) свой обзор сравнительно-исторической проблематики на международных съездах славистов заканчивает вопросом: «Кто знает, не сочтут ли – в свою очередь – наши потомки великой ересью нашего XX века эту обременительную дихотомию синхронии – диахронии?».

Актуализированная с разных сторон значимость соотнесения результатов синхронного и диахронного рассмотрения языковых фактов требует осмысления способов преодоления сложившегося раскола, используемых при этом методов. Решение этого вопроса видится на пути использования в исследовании языка интегративного метода и целостного представления слова как факта культуры. В качестве доказательства, подтверждающего возможность и эффективность применения интегративного метода, в работе дается сопоставление выводов А. Вежбицкой по культурноспецифичному концепту «свобода» в латинском, английском, русском и польском языках с результатами анализа сравнительно-историческим методом лексической экспликации этого концепта.

Продолжением исследования рассматриваемой в 1-ой главе проблемы является обращение **во 2-ой главе «Древнерусский язык – наследник праславянской и**

индоевропейской лингвокультурной традиции: проблемы пространственно-временной локализации праславянского и истории формирования восточнославянского этноязыкового континуума» к теме значимости для комплексного диахронного исследования решения вопроса пространственно-временной локализации праславянского и исторических судеб его диалектов. В работе представлен анализ современного состояния решения этого вопроса по данным ряда смежных наук (истории, археологии, этнографии, антропологии). Анализируется, конечно, не вся проблематика этого многоаспектного и сложного вопроса, а прежде всего та сторона, которая напрямую связана с заявленными установками работы на выявление очерчиваемого генетическими связями лексемы историко-культурного ареала и его квалификацию.

Такой анализ представлений о пространственно-временной локализации праславянского важен и с теоретической (что есть праславянский: продолжение и развитие определенной группы индоевропейских диалектов или вариант окраиннобалтского, древний или относительно новый язык?), и с практической точек зрения. Так, например, чтобы понять ареальные связи фактов языка восточных славян (носителей праславянского), их относительную хронологию, для нас принципиально важен ряд положений современных отечественных и зарубежных археологов относительно пшеворской культуры (конец II до н.э. – V в. н.э., Висло-Одерский регион), с которой связывают генезис праславянской общности, черняховской и зарубинецкой культур, в формировании которых участвовали расселявшиеся по восточной Европе славянские племена. Пшеворская культура была довольно неоднородна по своему составу: отдельные ее элементы являются явно местными, другие находят кельтские параллели, третьи связываются с германцами. В связи с этим допускают, что «пшеворская культура была немоноэтничной, в ее ареале проживали и наследники племен культуры подклешевых погребений, и вторгшиеся германские племена, и кельты, и их ассимилированные потомки» (Седов 2002).

Начальный этап формирования черняховской культуры культуры на рубеже II и III вв. н.э. на обширной территории от нижнего Дуная на западе до Северского Донца на востоке совпадает с проникновением в Севернопричерноморский ареал носителей вельбарской культуры – готов. Население черняховской культуры долго оставалось пестрым в этническом отношении (сарматские, пшеворские, вельбарские и гето-дакийские культурные элементы). В разных регионах черняховской территории этноязыковые и ассимиляционные процессы протекали неодинаково. К этногенезу славян имеют отношение два региона черняховской культуры – Верхнеднепровский и Подольско-Днепровский. Верхнеднепровский регион в позднем римском периоде был заселен преимущественно славянами. Подольско-Днепровский регион характеризовался славяно-иранским симбиозом: здесь основу черняховского

населения составили как местные ираноязычные обитатели, так и расселившиеся славяне – потомки носителей пшеворских древностей. «Племенную (и, по-видимому, диалектную) группировку славян Подольско-Днепровского региона черняховской культуры, сформировавшуюся в условиях славяно-иранского симбиоза, можно отождествить с антами» (Седов 2002).

Значительную роль в формировании раннесредневековых древностей сыграла также киевская культура. Основу этой культуры составило местное позднезарубинецкое население. В свою очередь, Припятский и Верхнеднепровский регионы зарубинецкой культуры обнаруживают преемственность с милоградской (балтской) культурой.

Особенности материальной культуры, их изменение в связи с заселением славянами новых территорий, возникновением тесных контактов с другими культурами как свидетельства исторических вариантов реалий, выявление культурных изотипов, – вся эта информация весьма значима для нашего вида исследования.

Учитывая столь «пеструю» историю славян, восточных – в первую очередь, в третьей главе **«Диалог культур в зеркале языка: конвергентная сторона развития языка, или специфика лексики субстратно-суперстратного происхождения»** рассматривается вопрос о существовании в языке следов тесного взаимодействия носителей разных культур, расселяющихся на одной территории, возникающей ситуации массового двуязычия, следов субстрата или суперстрата в результатах ассимиляции – иначе говоря, следов конвергентной стороны развития языка славянского и восточнославянского этноса в связи с изучаемым фрагментом их лексической системы.

В теоретическом плане никто не сомневается в существовании двух сторон – дивергентной и конвергентной – в процессе формирования любого этноса. Но если первая сторона доступна исследовательскому вниманию давно (этому служат прежде всего приемы анализа языкового материала сравнительно-исторического метода), то отследить наличие конкретных результатов конвергентной стороны процесса становления языка весьма сложно. Странники классической теории субстрата определяли очень прямолинейно все процессы языковых взаимодействий, искусственно противопоставляя внутренние закономерности языка влиянию субстрата, не учитывая, что язык ассимилированного населения (субстрат) мог преобразовать самую внутреннюю структуру и заложенные в ней тенденции развития языка-победителя, что не был пассивен и суперстрат.

Достижения языкознания второй половины XX в. в изучении закономерностей языковых контактов связаны с именами У. Вайнрайха, Дж. Гринберга, Э. Хаугена, А. Мартине, Э. Петровича и других ученых. На многих примерах из разных языков ими было доказано, что процессы взаимодействия языков чрезвычайно сложны и многообразны, представляют собой

различного рода интерференцию языков, которая существенно преобразует внутреннюю структуру и заложенные в ней тенденции самого развития взаимодействующих языков. По оценке С.Б. Бернштейна (1976 г.), «теперь можно говорить о теории интерференции языков, которая гораздо глубже может объяснить механизм и последствия языковых контактов. Вместе с тем я бы не противопоставлял так резко старую теорию субстрата и новую теорию интерференции... Теория интерференции – это современный этап развития теории субстрата».

Теория и практика интерференции развивается применительно к карпатскому (карпато-балканскому) ареалу и в определенной степени на основе изучения литовско-славянского пограничья (Т.М. Судник, А.П. Непокупный и др.). Выделение самостоятельного раздела в языкознании – карпатского – связано с именами С.Б. Бернштейна, рассматривавшего генетические связи юго-западных украинских говоров с южнославянскими языками как часть большой проблемы карпатского языкознания и предложившего разграничивать карпатизмы и балканизмы, и В.М. Иллич-Свитыча, опубликовавшего «Лексический комментарий к карпатской миграции славян». Дальнейшее развитие этой проблематики представлено в работах Г.П. Клепиковой, И.А. Дзедзелевского, В.В. Усачевой и др. В процессе лингвогеографических исследований были выявлены соответствия карпатским словам и в других говорах восточнославянских языков, прежде всего в говорах Полесья, фундаментально обследованных коллективом лингвистов под руководством Н.И. Толстого. Были выявлены южнославянско-карпатские изоглоссы, островные восточнополесско-карпатско-лужицкие. Вопросы теории и практики исследования языковых контактов обсуждались в тематических сборниках, например «Славянское и балканское языкознание: проблемы интерференции и языковых контактов» (М., 1975), «Славянское и балканское языкознание: проблемы языковых контактов» (М., 1983) и др. Большая работа проведена по созданию «Общекарпатского диалектологического атласа». Проблема специфики лексической системы языковых общностей, возникающих вследствие конвергентного развития (близко)родственных и неродственных языков в менее явном виде существует и для других ареалов славянского мира, прежде всего – восточнославянского, на более ранних и менее известных этапах их истории. Поэтому представляется, что нужно выделять не два, а три типа лексики в зависимости от ее происхождения – исконную, заимствованную и лексику субстратно-суперстратного характера происхождения, возникшую в условиях активной интерференции и массового двуязычия (многоязычия). В качестве доказательства в главе приводится анализ семантической истории и этимологии слова *господь* в рамках его функциональной нагруженности – участия в становлении концепта «хозяин» в истории русского языка. При анализе становления модально-оценочной лексики (разделы 2 и 3) в категорию такой лексики попадает ряд лексем (*хороший*, *благой* ‘хороший’ и *благой* ‘плохой’, *худой*, *красный*, *долг*).

Первая, вторая, третья главы, таким образом, посвящены разным аспектам методологии и методики исследования, общего подхода к решению поставленных задач. В четвертой главе **«Категория модальности как объект лингвистического исследования: аксиологическая модальность и основные виды предметной модальности (модальность необходимости, возможности, желательности)»** содержится характеристика объекта исследования, проблем определения его границ и структуры, выделяемого фрагмента (видов модальности) рассмотрения, степени его исследованности в историческом и когнитивном аспектах. Модальность определяется как «строевая» категория языка. Именно в категории модальности проявляется одна из существенных сторон, определяющих осмысленность и эффективность процесса коммуникации: с помощью модальных средств говорящий соотносит содержание высказывания с реальной внеязыковой ситуацией и выражает свое субъективное отношение к сообщаемому, дает оценку.

Предметная модальность указывает на способ существования события, включая его предпосылки – возможность, необходимость, желательность. Оценки появляются в любых модусах, так или иначе связанных с желанием, возможностью. В то же время оценка сложными способами связана с модальностью долженствования: переход от фактического высказывания к высказыванию долженствования и императиву проходит через промежуточный этап высказывания с оценочным значением, которое определяет выбор. Оценочная модальность, таким образом, оказывается связующим звеном между ассерторической и деонтической модальностями. Это позволяет предположить, что почти любая неиндикативная модальность так или иначе включает оценочный элемент и что взаимодействие оценочной модальности с другими модальностями представляет закономерность (Вольф 2002). Таким образом, оценка может рассматриваться как один из видов модальности (аксиологическая модальность), которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения.

Выделение этапов эволюции части прилагательных от нейтральнооценочной до общеоценочной (эволюции, выстраивающейся как следствие изменения соотношения дескриптивного и оценочного компонентов значения) основывается на представлениях в современной лингвистике о месте оценки в структуре лексического значения. Эти представления дают основание предполагать теоретически возможное определение для общеоценочных слов исходного, дескриптивного, компонента значения как мотива, основания оценки. Выделяемое дескриптивное значение диагностично как коррелят «вызова» определенного этапа историко-культурного процесса (какой признак, свойство и в какое время был маркирован как социально значимый и обобщен до общеоценочного). В свете проведенного исследования, представляется нужным подчеркнуть важность и необходимость

учета типологии дескриптивных признаков в значениях, сформировавших общую оценку, с точки зрения их историко-культурной вероятности/обусловленности.

Обратиться к этой стороне вопроса об оценочном значении нас побудили, с одной стороны, цели нашего исследования. С другой стороны, этот момент не привлекал внимания в диахронических построениях, о чем свидетельствует сделанный без всякой оговорки вывод В.И. Абаева при выяснении этимологии осет. *horz|xwarz* 'хороший, добрый': «Любое приятное качество может быть обобщено до уровня 'хорошего' вообще, а любое неприятное – до уровня 'дурного'» (Абаев 1989). Представляется, что этот вывод справедлив, если рассматривать мотивационный признак лишь с точки зрения многообразия культур во времени и пространстве. Фактически же только определенный признак, отмеченный в культуре (сознании этноса), способен через устойчивую маркированность в социуме стать знаком частной и/или общей оценки. Поэтому столь диагностичны в историко-культурном отношении семантические модели, по которым возникли общеоценочные значения.

Разделы II и III представляют практическую реконструкцию особенностей становления и этапов эволюции лексических средств выражения аксиологической и предметной модальности. Раздел II **«Аксиологическая модальность: история становления и особенности эволюции ценностной картины мира древнерусской этнокультурной общности как части славянского мира»** содержит три главы.

В главе первой **«Аксиологическая модальность как отражение базовой оппозиции «свой–чужой»** анализируются имеющиеся результаты исследований, позволяющих ответить на вопрос, сохранил ли язык какие-то следы возникновения категории оценочности еще на заре эпохи человека разумного, ее возможных (по статусу оценки) отношений с категорией бытийности, выделения метаоппозиции *я/сам-другой*, «запустившей механизм отчуждающей дуализации» (*я/сам-другой/иной, свой-посторонний/чужой* и т.п.). Тожественной и подобной чему воспринималась оценка, еще формирующая свои специальные языковые средства выражения?

Ссылаясь на достаточно известных компаративистов (Й. Фридрих, Э. Швицер, Ф. Бадер, Э. Френкель, М. Фасмер и др.), можно заключить, что изначально осознание мира, бытия, вероятно, было осознанием и оценкой его по отношению к своей социальной группе: 'свой': 'сущий' ~ 'истинный, настоящий' и 'хороший'. И проблема этноидентичности как выражение базовой оппозиции «свой – чужой» на уровне языка может быть увидена как рефлексия по поводу этнодифференциальных признаков, этноидентификации (распадение исходно синкретичного «свой», «свои/мы»), развертывание «свой» в «иной, другой» и «чужой» и, наконец, как общность истоков становления оппозиции «свой – чужой» и категории

оценочности. Для нашего же исследования это возможная предыстория, отдельные отголоски которой выявляются в реконструкции.

К какому времени относится становление общеоценочной оппозиции? Какова динамика языковых средств представления этой оппозиции? Что за нею стоит, какие социально значимые признаки окружающего мира или отношений между людьми были «канонизированы», востребованы определенной историко-культурной ситуацией? В аспекте этих вопросов во второй главе «**Общая положительная оценка: истоки, корреляция с другими модусами, динамика, закономерности развития и историко-культурная детерминированность**» проанализированы лексические средства выражения общей положительной оценки на разных этапах истории русского языка (*добрый; годный, гожий; благой; лепый; ладный; красный; хороший*). Полученные результаты интерпретированы с точки зрения их ареально-временной характеристики, историко-культурной и когнитивной, типологической.

Проведенный историко-этимологический анализ позволил определить хронологические и ареальные параметры формирования лексических средств выражения общей положительной оценки русского языка как наследника древнерусской и праславянской традиций: наибольшая временная глубина и, соответственно, наиболее древними элементами рассматриваемой лексической группы являются языковые единицы, которые значение общей положительной оценки демонстрируют еще на праславянском уровне. В эту группу входят продолжения праслав. *dob-(r)- и *god-n-. При этом производные *god-(n)-, имея близкородственную, сохраняющую формальную и семантическую близость лексику в балтийских, албанском, германских языках (исторически развивавшихся в зоне тесных контактов), в общеоценочном значении образуют **славяно-германскую** лексико-семантическую **изоглоссу** (герм. *gōd-: *god-), неполную вследствие формальной вариативности.

Праслав. *dobrъ, наряду с *doba '(нечто) соответствующее (мере, норме)', вероятно, обособилось из регионального (славяно-балто-германского) образования *dhabh-ro- 'подходящий, соответствующий' (возможно из 'подходящий, соответствующий по виду, форме, мере', 'делать подходящим' как продолжение конкретного производственного термина со значением вроде 'придавать вид, форму') и имеет исторически (хронологически и историко-культурно) не очень ясное схождение с лат. *faber*, арм. *darbin*. Общеоценочное значение же формируется только у **праславянских континуантов**, прежде всего, у «специализированного» в этом отношении слав. *dobrъ.

На рассмотренном материале делается вывод, что *добрый* и *годный*, на общеславянском уровне являясь синонимами ('соответствующий, подходящий' → 'хороший'), возможно, разнодиалектными (ср. широкое употребление в древнерусских текстах *добрый* и единичное *годный*, чаще *год* (九)), имеют ту разницу в семантике, что в одном случае возникновение

частнооценочного значения (а затем и общей оценки) соотносится с сигнификатом, закрепившим в этом знаке общее представление о соотнесенности с нормой (*doba, *dob-r), а в другом – с представлением о наличии определенных признаков/качеств в денотате, маркируемых прагматической оценкой «годный» (*god-n-). Иначе говоря, в первом случае общая оценка связана с общим представлением о (принятой) мере/способе/виде действия (*no dobЪ), во втором – с наличием в предмете/явлении *года/годности, то есть качества, отвечающего требованиям (ср. *отдать въ годы* ‘отдать на выучку’ (Даль); рус. *(при)годный* и чеш. *hodnotný* ‘ценный, доброкачественный’ и т.п.). Возможно, этим объясняется тот факт, что производные от *god- тесно связаны с семантикой времени.

В рамках системного и семантико-типологического подхода «незакономерной» оказывается предполагаемая семантическая модель образования *благой*. Обращение к историко-культурной типологии в очерчиваемом употреблении лексемы в конкретном значении ареале позволяет определить ее (модели) закономерность для Балкано-Карпатского региона и предположить опосредованное (через кельтскую среду?) восхождение ***blago** (*благой*) к существовавшему здесь иранскому (скифо-сарматскому) субстрату. Системное и диахронное рассмотрение лексических средств выражения общей положительной оценки показывает специфику усвоения лексемы в результате субстратно-суперстратных отношений (по сравнению с заимствованием): *благое*, вероятно, усвоенное из субстрата с частногооценочным значением (‘вкусный’/‘приятный’, ‘доставляющий удовольствие’), сохраняет связь с дескриптивным значением, на основе которого возникло частногооценочное значение, – ‘молочная и мясная (скромная) пища’, что и отразилось в лексике южнославянских языков, на почве которых и происходило усвоение. Получив общеоценочное значение, закрепленное в литературном старославянском языке, *благо*, *благое* перешло в другие славянские языки, не сохраняя, как и полагается заимствованию, прежних лексико-семантических связей.

Остальные лексемы рассмотренной группы получили общеоценочное значение в славянском ареале: *лєпый* (*лѣпый*) собственно славянское образование, *гожий*, *красный*, *ладный* – древнерусское (>? и польское), *хороший* – исходно представлено больше в восточной части древнерусского языка (единичные употребления в письменности конца древнерусского, чаще в великорусский период). Не отмечены «встречи» с лексикой, представляющей общую положительную оценку в балтийских языках (ср. лит. *gėtas* ‘хороший, добрый’, ‘приятный’, ‘прекрасный’, *gerėsnis* ‘лучше, лучший’ при *girti* ‘хвалить, прославлять’, однокорневые образования лат. *grātus*, рус. *жрец*, *жертва* и т.д.; лит. *lābas* ‘добрый’, ‘благо’, *lōbis* ‘богатство, сокровище’, *lābinti* ‘приветствовать’, лтш. *labs* ‘хороший, добрый, благой’ при предполагаемом соответствии др.-инд. *lābhate*, *lāmbhate* ‘берет, получает’, ‘обладает’, греч. *λάφυρον* ‘добыча’).

Названные лексемы русского языка достаточно проблемны с точки зрения их исторического развития. Особенно это относится к определению исторической вариативности формы и содержания лексем *красный*, *благой*, *хороший*. Анализ особенностей функционирования и выявляющаяся типология формирования общей оценки дали основание в определении происхождения *хороший* согласиться с вариантом, предлагавшимся еще С.П. Обнорским. Выявленная изосемия этимологических гнезд *kras- и *květ- (С.М. Толстая) позволила определить общее значение ‘цветной’ и таким образом определить производящее значение для старшего значения *красный* – ‘красивый’. В связи с этим привлекает к себе внимание региональный иранский материал, имеющий отношение к Восточной Европе (согд. kršn ‘вид, внешность, облик’, kršn’w ‘красивый’, qršn’wty ‘красота’ и претерпевшее значительные фонетические изменения однокорневое осет. хуз|хуз ‘цвет, вид, образ’). Предлагаемое включение слав. *krasъnъ в этимологическое гнездо и.-е. *krs-no- (: *kers-), при наличии семантической корреспонденции сближаемых лексем северо-восточной группы иранских и славянских языков (‘цветной’ и ‘красивый’) объясняющее семантическую предысторию прилагательного *красный*, в то же время возвращает к вопросу о формальной стороне реконструкции. Причина возникшей «незакономерности» в оформлении структуры корня слова *красный* видится в историко-культурной ситуации южной части Восточной Европы и прилегающей к ней Балкано-Карпатской зоны периода расселения здесь славян. Впрочем, по мнению Г. Хольцера (Holzer 1988), исследовавшего балтийские и славянские слова, в которых нарушаются регулярные соответствия с другими индоевропейскими языками (в частности, отмечается «отклоняющийся» рефлекс в продолжении г-слового как го/га при балт. iġ/ig , слав. ыг/ыг), в данном случае имеем дело с заимствованием в прабалтийский и праславянский из некоторого еще неизвестного индоевропейского языка, не сохранившегося в памятниках и не имеющего ныне существующих потомков.

Слав. *bolgъ(jь) обычно сопоставляется с предполагаемыми однокорневыми образованиями в других индоевропейских языках со значениями ‘воздавать почести’, ‘ритуал, обычай’, ‘молитва’ или ‘блеск, свет’ (М. Фасмер, Ю. Покорный и др.). Однако проекция такой реконструкции на южнославянский ареал предполагает в этом случае исходить из сужения общеоценочной семантики до ‘сладкий’ или ‘жирная (молочная и мясная) пища’ (ср. болг. *благ* ‘благой, милостивый, кроткий, мягкий’ и ‘сладкий, вкусный’, ‘скромный’, с.-хорв. *blâg*, *blâga*, -го (например, *благо млијеко*) ‘сладкий, хороший’ и ‘мягкий, нежный, ласковый’ (*blâg глас*, *blâga клима*), болг. *благина* ‘скромная, жирная пища (масло, молоко, сыр и др.)’, с.-хорв. диал *blâгиня* ‘жир для мыловарения’ и т.д.). Вариант ‘хороший, добрый’ → ‘жирная пища’ → ‘сладкий’ так же нереален с типологической и общекультурной точки зрения. Наличие же общеполканской изосемии в виде ‘сладкий’ → ‘получать удовольствие,

наслаждаться' подтверждают исследования балканской лексики в ареально-типологическом аспекте (К. Сандфельд, А.Н. Соболев).

Слабой стороной этого предположения, построенного преимущественно на учете результатов семантической и историко-культурной реконструкции, является наличие закономерных последствий метатезы в *tolt (= *bolg-) – рус. *болото*, польск. *blogi*. Этот факт ослабляет обсуждаемое предположение, но не опровергает его. Дело в том, что преобразования дифтонгических сочетаний типа *tort, *tolt, являвшиеся последним этапом в реализации тенденции открытого слога, как полагают, начались в тот период истории праславянских диалектов, когда славяне заселили Карпаты, Паннонию, когда завершилось заселение современной Чехословакии и когда установился тесный контакт между предками чехов и словаков с предками словенцев, хорватов и сербов. Слово, усвоенное в это время из субстрата, могло пережить те же фонетические изменения, что и лексика, относящаяся к исконной.

Происхождение *хороший* вслед за С.П. Обнорским, Вяч.Вс. Ивановым рассматривается в работе как наследие какой-то части скифо-сарматских языков, субстратных для южнорусской (причерноморской) группы славян, где слово *хогз/хорс* имело уже установившееся общеоценочное значение.

Анализ системных и межсистемных лексико-семантических связей, историко-этимологическое рассмотрение лексических средств выражения общей положительной оценки на уровне праславянского и древнерусского в контексте ареальной историко-культурной ситуации показывает определенные семантические модели (и стоящие за ними культурные схемы), унаследованные древнерусским сознанием из славянской истории. Это следующие модели выражения общей положительной оценки: 1. (синкретичная) **утилитарно-нормативная//эстетическая оценка** → **общая оценка** в вариантах а) 'соответствующий (норме)/подходящий (по своим качествам)' обобщается как 'соответствующий/подходящий' ~ 'правильный, подходящий' → 'хороший'/'красивый' (собственно славянская модель для *добый, добрый* и региональная славяно-германская модель для *годный, гожий*); б) 'прилипающий, льнущий' → 'соответствующий/подходящий' ~ 'правильный, подходящий' → 'хороший'/'красивый' (собственно славянская модель, реализованная в *лепый*); в) 'упорядоченный//красивый' ~ 'правильный, подходящий' → 'хороший' (*ладный*, представлено в восточно- и западнославянских языках); 2. **Эстетическая оценка** → **общая оценка** в вариантах а) (*'мазанный/*выделенный цветом' →) 'украшенный/красивый' → 'хороший' (*лепый*; ареал южнославянских и древнерусского языков); б) (*'пестрый/цветной' →) 'красивый' → 'хороший' (*красный*; ареал преимущественно древнерусского языка); 3. (? усвоенная из субстрата модель) **сенсорно-вкусовая оценка** → **общая оценка**:

(*‘молоко/*(вкусная)пища’ →) ‘сладкий’→ ‘приятный’→ ‘хороший’ (*благой*), 4.
(заимствование) **общая оценка** → **общая оценка** (*хороший*).

Описанные исторические изменения в группе лексических экспликаторов значения общей положительной оценки, касающиеся хронологических параметров, пространственной ориентации, содержательной типологии, позволяют сопоставить два хронологических пласта в рассмотренной лексике, средневековый и предшествующий ему раннеславянский (I и II этап праславянской истории, по Ф.П. Филину) как отражение исходно европейского и следующего евроазиатского этапа истории славян. Основопологающей чертой средневекового мировидения, по наблюдениям историков культуры, является «цельность мирозерцания» (А.Я. Гуревич), следствием чего является его специфическая недифференцированность, невычлененность его отдельных сфер, сочетающаяся с уверенностью в единстве мироздания. Из цельности мирозерцания этой эпохи проистекает и сопряженность нравственных и правовых категорий, имевших эстетический оттенок.

Как показывает семантико-типологический анализ, семантическая эволюция в первом, хронологически старшем, слое рассматриваемой лексической группы может быть представлена как ‘соответствующий (норме)/подходящий, годный (по своим качествам)’ → ‘правильный, подобающий // красивый’ → ‘хороший’, где ‘красивый’ – само собой разумеющийся семантический компонент правового и морально-этического определения с положительной коннотацией (типа с.-хорв. *godan* ‘годный’, ‘способный’ и ‘приятный, угодный’, ‘красивый’). На другом этапе славянской истории, связанном с расселением на евроазиатских территориях, с вхождением в зону влияния византийской культуры, когда восточные славяне только что вышли из варварства и включились в развитие новой для них культуры «средиземноморского типа», продолжающееся формирование лексических средств выражения общей оценки демонстрирует как следование принятому культурному сценарию в случае с ‘упорядоченный//красивый’ (*ладный*) → ‘приличествующий, хороший’, так и иные ориентации, возрастание значимости эстетической оценки. Так, *леньй* исходно как ‘прилипающий, льнущий’ и ‘соответствующий, подходящий’ дополняется линией семантического развития ‘мазанный/*выделенный цветом, украшенный/красивый’ → ‘подобающий’ и ‘хороший’ и *красный* как ‘цветной/красивый’ → ‘хороший’ (это наблюдение и предположение сделано на небольшом, хотя и весьма значимом, фрагменте лексической системы).

Исследование истории языковых средств выражения общей положительной оценки выявило и такую особенность, как формирование общеоценочного значения во взаимодействии со значением модальности необходимости: истоки их синкретичны, совпадают у исконных по происхождению прилагательных, наречий (прежде всего в роли сказуемых), приобретших

общеоценочное значение еще в праславянский период (*добрый, добрѣ, годный, годѣ, гожий, гоже, лѣный, лѣно*), слабее оно выражено у поздно отмеченного в текстах с общеоценочным значением *ладный*, у субстратного по происхождению *хороший* (с исходным общеоценочным значением) за счет дифференциации и специализации в современном употреблении лексических средств выражения разных видов модальности и рано утрачено у ставшего цветообозначением *красный*, такого модального значения не имеют *благой, болого, болозѣ*.

В целом же результаты отмеченных славяно-балто-германских схождений согласуются с выводами, полученными в последнем по времени обуждении вопроса о индоевропейском наследии и типологическом сходстве славянских и германских языков: с одной стороны, длительные и интенсивные славяно-германские контакты, с другой – вывод, что эти контакты происходили после длительного независимого развития как прагерманского, так и праславянского языка (Бурлак С.А., Мельников А.С., Циммерлинг А.В. 2002). Похожие выводы следуют из рассмотренного материала и относительно балто-славянских схождений, хотя они будут более полными лишь после исторического анализа данных семантических полей в германских и балтийских языках.

В третьей главе **«Общая отрицательная оценка: истоки, корреляция, динамика, закономерности развития и историко-культурная детерминированность»** материал анализируется под тем углом зрения, какие отрицательные признаки были маркированы нашими предками и обобщены до общеотрицательных.

Ареально-временная характеристика лексических средств выражения общей отрицательной оценки в истории русского языка обнаруживает следующие пласты наследия как результата разновременных и разнорегиональных этапов славянской истории. Наиболее древним элементом рассматриваемой лексической группы является *злой (*zъlъ)*. В частнооценочном значении ‘жестокий, злой’ слав. *zъlъ ближе однокорневым балтийским соответствиям (‘наглый, дерзкий; грубый, жестокий’). Общеоценочное значение – **семантический регионализм праславянского периода**, периода тесных взаимоотношений с частью иранского (скифско-сарматского) мира, свидетельством чего является наличие однокорневого осет. (ирон.) ævzæg ‘плохой’. Вероятнее всего, и слав. *xudъ связано с иранской почвой, но уже как заимствование частью славянских диалектов из скифо-сарматских языков (ср. скиф. *fud- (> осет. fyd/fud ‘плохой, дурной’). Видимо, это приобретение **позднепраславянского периода**.

Как общую **восточно-западнославянскую семантическую изоглоссу** можно определить слав. *lichъ в значении общей отрицательной оценки. По наличию общеоценочного значения *лютый*, является, очевидно, **древнерусской семантической инновацией**. *Дурной* в значении общей отрицательной оценки – образование, сформировавшееся в **великорусский период**

истории русского языка. Диалектное *благой* и *лоший* хронологически неясны. Прилагательное *плохой*, получившее общеоценочное значение, как полагаем, в результате семантических изменений, произошедших у этого слова в ареале польско-(литовско)-русского межкультурного и языкового взаимодействия в **великорусский период**, имело статус диалектно-просторечного, уступая в активности синонимам *худой* и *дурной* до XIX века, и лишь с формированием современного русского литературного языка *плохой* становится основным лексическим средством выражения общей отрицательной оценки.

Каждый новый этап этнокультурной истории обновлял и «усиливал» столь функционально значимые лексические средства языка, каковыми являются слова со значением общей оценки. Лексема с общеотрицательным значением, рассмотренная в историческом развитии и на фоне этимологического гнезда, в рамках которого произошло его становление, несет ценную историко-культурную информацию о приоритетах разных периодов истории русской, древнерусской, общеславянской. Рассмотренный материал позволил выделить следующие семантические модели образования общей отрицательной оценки:

*‘(в природе) физический признак, (о человеке) физический недостаток’ (‘косой, кривой’) → *‘нравственная, моральная ущербность’ (‘наглый, дерзкий; грубый; злой, бесчеловечный’ или ‘обманный, ложный’) → *злой* ‘плохой, дурной’;

*‘плохой, дурной’ → *худой* ‘худой, слабый’ (усвоено из иранского субстрата; традиционно это рассценивается иначе: ‘худой, слабый’ → ‘плохой, дурной’);

*‘излишний, чрезмерный/недостаточный’ → *лихой* ‘плохой, дурной’.

Семантическое новообразование древнерусского периода – *лютый* в общеоценочном значении – возникает, возможно, в результате семантического изменения *‘(сильно) крепкий, жесткий’ → *‘(очень) сердитый, жестокий’ → ‘плохой, дурной’ (неясными остаются его возможные региональные внеславянские отношения).

К великорусскому периоду относится реализация историко-культурных схем (семантических моделей) *‘(на)дутый’ → ‘своенравный, своевольный; глупый’ → *дурной* ‘плохой’ и [‘неосмотрительный, беспечный, легкомысленный’ →] *‘допускающий оплошность; нестоящий, недостойный; недостаточный в каком-л. отношении’ → диал., прост. ‘плохой’ (вероятно, как результат взаимодействия восточнопольских и северо-западных русских диалектов) → *плохой*. «Не помнящее родства» слово *плохой*, не имея «шлейфа» частнооценочных значений, становится однозначнотерминологичным и основным средством выражения общей отрицательной оценки (то же самое относится и к *хороший*).

Определение исторической глубины формирования лексики с общеоценочным значением оказывается одним из аргументов для того, чтобы не согласиться с широко распространенным в этимологической литературе мнением о принадлежности рус. *худой*, изолированно стоящий

на праславянском уровне реконструкции, к производным и.-е. *ksoudo-, сближая его с др.-инд. kśódati ‘толочь, дробить’, kśudrá- ‘маленький, мелкий’ (Потебня, Педерсен, Фасмер), или предполагая близость с др.-инд. kśúdhyati ‘ощущает голод, голодает’ и kśudhā ‘голод’ (Machek, Mayrhofer). И при всем правдоподобии семантического перехода ‘маленький, скудный’ → ‘плохой’ такое семантическое изменение не поддерживается типологически другими, представленными в лексико-семантической группе со значением общей отрицательной оценки. Кроме того, соседство у производных от *худ- значений ‘плохой’ и ‘худой, тощий’ не позволяет согласиться с предположением, что в некоторых славянских языках общая идея «плохости» могла конкретизироваться как «злость, злой» (Е.Э. Бабаева). В данном случае, как и в отношении определения внутренней формы для *худой*, сталкиваемся с проблемой историко-культурной детерминированности того дескриптивного признака, который, сформировав частнооценочное значение, был обобщен до общеоценочного. Так, например, не соотносится с уровнем сознания средневекового носителя древнерусского языка признак ‘пугающий, устрашающий’ в качестве мотивирующего общую отрицательную оценку, равно как неактуальна в таком случае (для этого времени и культурной ситуации) и негативация признака ‘плоский’ (две традиционно предлагаемые этимологии слова *плохой*).

Сложно что-либо сказать о семантической эволюции диал. *благой* ‘плохой’ и диал. *лоший* (последнее, возможно, экспрессив, сходный по внутренней форме с рус. *дрянной*).

Основным «конкурентом» для *злой* в народно-разговорной речи было *худой*, истоки которого, как полагаем, связаны с иранским субстратом (ср. осет. *fud|fyd* ‘плохой, дурной’ < *pu- ‘гнилой, плохой’) В силу совпадения историко-культурной детерминированности во взаимодействующих языковых средах (скифо-сарматская и славянская) представления «плохости» в человеке (и животном) через внешнее ее проявление (ср. подобно ‘кривой, косо́й’ как выражение внешней ущербности) *худой* стало совмещать исходное значение общей отрицательной оценки с обозначением слабого телосложения («худосочности»). Дальнейшим развитием символизированного в славянской культуре соотношения ‘физически недостаточный’ ~ ‘нравственно ущербный’ является активная реализация в языковых средствах представления общей отрицательной оценки на протяжении от праславянского к великорусскому семантической модели ‘чрезмерный’/‘недостаточный’ → ‘плохой’ (особенно наглядно в продолжениях *lǫxъ, а также в *дурной, благой*).

Новое время требовало максимального проявления деловых качеств индивидуума. Об этом свидетельствует то, что негативирующая семантика *плохой* (как и у *дурной*) исходно связана с определенным типом человека – «негодящего» к делу (‘легкомысленный, несобранный, неделовой’) – и определяет положительный идеал своего времени – человек «неплошающий». Возникающий «разрыв» в развитии семантики у *плохой* от определяемого

этимологически ‘страх, боязнь’, ‘боязливый, пугливый’ к ‘плохой’ становится понятен при учете факта межкультурного и языкового взаимодействия в польско-литовско-русском регионе в средние века, при сохранении у диалектных соответствий значений ‘беззаботный, легкомысленный, несметливый’. Хронологический и историко-культурный параметры – аргумент против принятия этимологического решения, по которому праслав. *ploxъ определяется как вариант к *ploskъ ‘плоский’.

Культурный сценарий, подобный представленному в языковых средствах экспликации общей отрицательной оценки в древнерусском языке (в значительной части – и в целом в славянских языках), определяется и в германских языках: он нашел выражение в семантической структуре образований от прагерманской основы *ubila- ‘плохой, дурной, злой, bad’ (гот. ubils, ubilaba, др.-англ. yfel, англ. evil, нем. übel и т.п.), продолжившей и.-е. *urēlo-, производное от и.-е. *uró-, *ur-. В семантике образований от этого корня в разных индоевропейских языках сосуществуют значения ‘выше’ и ‘ниже’ (напр., лат. sub- super, исл. ofan ‘сверху, на поверхности’ и ‘вниз по (с)’ или нем. üppig ‘пышный, роскошный, изобилующий’ и др.-в.-нем. urpīg ‘ничтожный, незначительный, пустой, напрасный’ и др.), а в прагерманском этот признак был обобщен по отношению к норме, соотнесен с представлением о недостаточном /чрезмерном как о ‘плохом’.

Очевидно, что превышение/чрезмерность как отклонение от общепринятого (нормы) может расцениваться и положительно, и отрицательно. И именно эта семантическая модель определяется на ранних этапах формирования языковых средств выражения общей отрицательной оценки в славянских и германских языках. Типологическое схождение в лексическом способе представления общей отрицательной оценки определяем начиная с уровня праславянского и прагерманского.

Если же посмотреть на ситуацию с точки зрения унаследованности средств выражения общей отрицательной оценки общеиндоевропейского уровня, то оказывается, что известное в целом ряде языков продолжение и.-е. *dus- ‘плохой’ как первой части сложных слов, воспринимается в современных языках в качестве пейоративного префикса/префиксоида (др.-инд. dus-, dur-, авест. duš-, duž-, арм. t-, греч. δυσ-, кельт. do-, du-, гот. tuz-, др.-англ. tor-, др.-в.-нем. zur-). Широко представленная в иранских языках как первая часть сложных слов duš-, duž- не сохранилась в осетинском языке, где имеются лишь единичные случаи сохранения этой пейоративной приставки. В славянских и балтийских языках и.-е. *dus- ‘плохой’ не оставило следов (не считая слав. *dъждь ‘дождь’ < иран. *duž-diu-). Для и.-е. *dus- как очень правдоподобная оценивается связь с *deus- ‘недоставать, не хватать, ermangeln’. В таком случае славянская традиция продолжает индоевропейскую, образуя представление о ‘плохом’ из исходного ‘недостаток/излишек/непарность’ (при отсутствии прямых продолжений и.-е. *dus-).

Раздел третий «Другие модальности, близкие оценочной: история становления и особенности эволюции в зеркале языка» представлен в работе двумя главами.

В главе «Модальность необходимости/долженствования» проведенный историко-этимологический анализ позволяет определить хронологические и ареальные параметры формирования лексических средств выражения модальности необходимости русского языка как наследника древнерусской и праславянской традиций. Наибольшая временная глубина обнаруживается у языковых единиц, которые значение модальности необходимости демонстрируют еще на праславянском уровне. В эту группу входит, во-первых, *трьбѣ* (*потрьбно*, *потрьба*), исторически являющееся частью славяно-западнобалтско-германской лексико-семантической изоглоссы как следствия тесного культурного взаимодействия (формирование этой изоглоссы, вероятно, можно отнести к последним векам до н.э.–первым векам н.э., к периоду ранних тесных контактов праславянского с прагерманским в междуречье Вислы и Одера). Исходно обозначающее внутреннюю (физиологическую, прежде всего) потребность субъекта, освященную обычаем, социальной нормой, *трьбѣ*, *потрьба* становится языковым знаком выражения объективно-субъективного вида модальности необходимости, ср. в значении ‘надо, нужно’ укр. *треба*, блр. *трэба*, болг. *трябва* ‘нужно’, с.-хорв. *треба*, *требало*, чеш. *třeba*, польск. (po)trzeba (при только древнерусском *надобѣ/надо*).

Во-вторых, близкие функционально-семантически к *трьбѣ*, *потрьба* (*есть*) др.-рус., цслав. *нужный/нуждний*, *нужнѣ*, *нужно*, *нужа/нужда* (*есть*), связанные со слав. **nudjъnъ*, **nuditi* (‘мучить’ ~ ‘принуждать’, ‘вынужденный’ ~ ‘необходимый’), также являются частью славяно-германской лексико-семантической изоглоссы, отражающей разновременные этапы взаимодействия славян и германцев (**nudjъnъ* и **nut(j)ъnъ*).

В группу общеславянских языковых средств представления модальности необходимости мы включаем и глагол *имѣти* (**jъmĕti*) (модальное значение, кроме древнерусского, отмечается у этого глагола в старославянском, чешском, словацком, староукраинском). Судя по подобной семантике лат. *habēre* (‘брать’ – ‘держат’ – ‘иметь’ – ‘долженствовать’), «инкорпорация» значения ‘долженствовать’ в семантическую структуру глагола со значением ‘иметь’ – явление известное и исторически оправданное, отражающее, вероятно, процесс имущественного расслоения славянского общества, формирование частной собственности.

В эту же категорию следует, видимо, включить и *повиньнѣ*, представленное в восточно- и западнославянских языках. Учитывая актуальность и тесную взаимосвязь категории вины (как вольного или невольного прегрешения, ср. *повиниться* и *покаяться*) и долга (долга христианина) в доктрине христианства, *повинный* – это ‘виновный, виноватый’, ‘заслуживающий (наказания)’ и ‘подвластный, покорный’, ‘тот, кто преступил закон людской и божеский’, в краткой форме *повиньнѣ* – это ‘обязан, должен’, а существительные *повинность* и

провинность разводят эти значения. архаическую модель осмысления понятия «долг» как «наказание, искупление» ('иметь вину' ~ 'иметь долг'), аналогично представленной в германских языках, балтийских языках (ср. нем. Schuld 'долг, обязательство; вина', shall, родственное нем. sollen, выражающее долженствование и возможность, вероятность и др. при лит. skelėti 'быть должным, виноватым', др.-прус. skellānts 'должный, виноватый' и т.д.) и в восточном ареале индоевропейских языков (ср. авест. pairyete 'быть возмещенным' и 'быть осужденным', ārdāti 'наказание, искупление' и однокорневое образование в армянском языке). О том, что это не единственный способ осмысления понятия «вина/проступок» у славян, свидетельствует сербское и хорватское *крив* 'кривой', 'неправильный, ложный' и 'виновный, виноватый', *кривина* 'кривизна' и 'вина', *кривица* 'вина, преступление'.

Остальные лексические средства выражения модальности необходимости древнерусского языка по времени становления относятся к более позднему периоду, периоду распавшейся общеславянской общности. Сюда относится *должно, долженъ* – славяно-кельто-готская лексическая изоглосса, возникшая, как полагаем, в результате суперстратных отношений части восточного ареала кельтских языков и праславянского и заимствования из кельтских в готский (восточногерманские языки). Формирование данного схождения, вероятно, следует вести ко II-I вв. до н. э. (по данным историков и археологов, в I в до н. э. кельты, расселившиеся в южной части праславянского ареала были ассимилированы праславянами). К этому времени можно отнести закрепление словом *долг* (*dъlgъ), его производным *долженъ, должно* представления о долге-задолженности (преимущественно, в денежном выражении), о долге-обязанности как о чем-то внешнем (по отношению к человеку), заставляющем субъекта сделать что-л. Формирование же представления о долге как моральной норме, о долге, которому повинуются в соответствии со своей совестью, следует соотнести с христианской, соответственно, старославянско-церковнославянской традицией.

Предлагаемое решение относительно хронологии и определения исконности/неисконности слав. *dъlgъ является неоднозначным. С одной стороны, слав. *dъlgъ, гот. *dulg-* (сохранилось в форме род.п. *dulgis* и в сложном слове *dulgahaitja* 'кредитор'), ирл. *dligid* (act.) 'иметь право, заслуживать', (pass.) 'быть должным' и *dliged* 'закон, право, долг' выглядят как закономерные продолжения и.-е. *dhlgh- и, следовательно, исконные в данных языках. С другой стороны, признанию этих лексем исконными во всех трех языках противоречит историко-культурная детерминированность и особенности функционирования их в славянских и готском. Относительно готского *dulg-* можно сослаться и на мнение Э. Бенвениста (1995): «Слово *skulan* само по себе, как и его производные, не могло обозначать специально денежный долг; и чтобы точно обозначить этот смысл, пришлось прибегнуть к заимствованию из ирландского языка имени со значением «долг». Объяснение этого

противоречия видим в возможности субституции в славянских и готском кельтского однокорневого образования с другой огласовкой корня, подобного ирл. *dlug, dluig* (<*dhlogh-) ‘побуждение, motif’, ‘право, право собственности, droit, droit de propriété’, а также ‘судьба, участь, доля, destin’, ‘желание, desir’, ‘возможность, способ, moyen’ (родство ирл. *dligid* и *dlug, dluig* у П. Ламбера). В семантической структуре однокорневых слов в кельтских языках значение ‘долг’ коррелирует с ‘закон’, ‘право’, ‘заслуга’. То есть здесь в понятии долга акцентируется правовая регламентация аспекта социальных отношений (логически это можно истолковать так: долг – это по праву, по закону получаемое/возвращаемое, компенсируемое), как две стороны медали: ‘иметь право на’/‘выполнять обязательства’ (как ‘реализовать право другого человека’).

В древнерусском языке еще ряд лексем со значением модальности долженствования является церковнославянизмами: *подобати, достояти, долѣти, лѣно, неволя (есть)*. Под воздействием морально-этических установок христианства актуализируется этическая категория должного в сознании древнерусского общества. Как полагаем, это приводит не только к заимствованиям из старославянского вышеназванных лексем, но и к активизации собственных языковых ресурсов древнерусского, тех языковых знаков, внутренняя форма которых так или иначе выражает понятие нормы (*надобѣ/надо, добро, годится/годовати, годствовати*) – древнерусская семантическая инновация.

Динамика развития лексической группы со значением модальности необходимости демонстрирует удивительную (и, вероятно, не случайную) устойчивость ядерных элементов семантического поля модальности необходимости (по крайней мере, на протяжении тысячелетия письменной истории русского языка). С одной стороны, *надобѣ/ надобно/ надо* стабильно и активно представляет, начиная с ранних памятников древнерусского письма и до нынешнего времени, модальное значение необходимости, а с другой стороны, это глагол *подобает*, занимавший лидирующее положение в этой лексической группе до начала формирования национального русского языка и утративший свое лидирующее положение как стилистически маркированный (церковнославянизм), он сохраняет определенную функциональную значимость и в современном русском языке.

С точки зрения происхождения *надобѣ/ надо* и *подобает* однокорневые лексемы, производящее праслав. *dob-, вероятно, служило выражением идеи нормы как образа/образца, меры, способа (действия), ср. др.-рус. *подоба* ‘способ (действия, употребления)’, ‘вид, облик’, ‘подобие, сходство’ и ‘то, что подобает, потребно, нужно’. Это и была «стержневая», исходно смыслоформирующая семантика модальности необходимости: ‘то необходимо, что соответствует установленному виду, образу (предмета), способу (действия, использования)’. Такой вывод подтверждает еще и исходная семантика (внутренняя форма) значительной части

лексических средств, представляющих семантическое поле модальности необходимости – *добро, лѢпо, годится/годовати/ годствовать, достояти, довѣти, неволя есть, врѣмя быти (прити, присѣти)*.

В новое время, отражая новые культурные ориентиры, значимым (информативно более востребованным) становится, как представляется, маркировка (акцентация) степени необходимости, ср. ряды, где эта степень выражена по нарастающей: *надо – нужно – необходимо* и *должен – обязан – вынужден* и где не столь очевидно представлена внутренняя/внешняя каузация (хотя приоритет внешней перед внутренней явен). То есть нарастает значение деонтической модальности.

Структура семантического поля модальности необходимости в древнерусском языке в целом может быть представлена следующим образом: ‘необходимо’ то, (1) ‘что соответствует принятой норме/обычаю (виду, образу, способу действия, порядка вещей)’, (2) ‘что есть внутренняя, жизненно важная потребность субъекта’, (3) ‘что есть нужда, принуждение извне, не оставляющее выбора для субъекта’, (4) ‘что есть возмещение долга, ущерба’. В динамике наблюдается утрата последнего признака как смыслоструктурирующего представление модальности необходимости.

Со временем лексическая группа средств выражения модальности необходимости значительно увеличивается, и чтобы убедиться, что это не просто совокупность лексем, передающих некую расплывчатую массу сходных значений (с неопределенными границами между ними), а определенным образом организованное целое, нужно выявить в этом целом структурирующие его оппозиции. Учитывая то, что специфика «своего» лучше видна на фоне «чужого», оправданным представляется соотнесение структуры лексико-семантического поля модальности необходимости со структурой понятия «необходимость» в латинской языковой картине мира, структурой, представленной общими и частными оппозициями, организующими семантическое поле предикатов необходимости латинского языка (М.А. Таривердиевой 2005).

Несмотря на все сложности соотнесения сходных фрагментов в языковой картине мира этносов, столь далеко отстоящих друг от друга по культурно-пространственно-временным параметрам, это сопоставление представляется интересным по выявляемым сходствам и несовпадениям. В частности, следует отметить особую значимость с точки зрения истории духовной культуры факта выявляемого параллелизма в путях формирования лексических экспликаторов модальности необходимости в русском и латинском языках: оппозиции, структурирующие понятие «необходимость» в латинском языке, актуальны и в русском, наличие общих смысловых точек отсчета у пар *habeo – debeo* и *имѣти, имать – долженъ*, отсутствие значения деонтической модальности у *debeo* и *имать* и количественная асимметрия в привлечении лексики, внутренней формой своей маркирующей соответствие нормам

общественной морали, в выражении модальности необходимости (*deset – подобает, надобѣ, достоин/достойно, годится/годовати/годствовати, лѣпо, добро, повинень*).

В главе второй «**Модальность возможности и желательности**» рассматривается процесс формирования лексических средств представления модальности возможности и желательности с точки зрения историко-ареальной, этимологической, когнитивной.

Основное и устойчивое лексическое средство экспликации модальности возможности в русском и древнерусском языках глагол *мочи/мочь* продолжает формально и семантически праслав. *mogt'i, наследует традицию выражения представления о возможном, сложившуюся в славяно-балто-германском ареале и опирающуюся, в свою очередь, на индоевропейскую – и.-е.*magh- 'быть сильным, мочь' (следует заметить, однако, что по грамматическому формообразовательному способу представления модальности через образования на *-l- праславянский образует общую изоглоссу с хеттским, тохарским, армянским). Различия в реализации и.-е. наследия в указанном ареале определяются тем, что в древнерусском (как наследнике общеславянской традиции) глагол *мочи/мочь* демонстрирует полифункциональность в сфере выражения модального значения: способен был выражать не только значение модальности возможности, но и необходимости и желательности. В германских языках этот глагол представляет преимущественно модальность возможности (ср. англ. may '(с)мочь, иметь разрешение') и желательности (ср. нем. mögen, который в качестве модального глагола выражает желание, возможность, вероятность, предложение сделать что-л. или угрозу, а также имеет значение 'любить, нравиться'), в балтийских же преимущественно связан со значением желательности (ср. литов. megti 'любить, быть расположенным к кому-л., быть желанным, находить удовольствие', magùs 'привлекательный, желаемый' и т.п.). То есть по функционально-семантической характеристике, степени участия в формировании категории модальности (прежде всего, возможности) славянским ближе германские языки.

Взаимосвязанность, взаимопроницаемость семантических структур языковых единиц, выражающих разные виды модальности (возможности, необходимости, желательности), демонстрируют в своей специфике употребления и глаголы *имѣти* и *терпѣти/търпѣти* в сочетании с зависимым инфинитивом (семантическое развитие *имѣти* в диахронии: 'взять/брать' → 'иметь' → 'быть в состоянии/иметь силу (не разграничивая физическую и духовную силы)' → 'мочь' и 'быть в состоянии/иметь силу' → 'желать, хотеть', 'быть в состоянии/иметь силу' → 'быть необходимым'; похожим образом развивалось значение и *терпѣти*). Видимо, можно согласиться с мнением, что значение возможности занимает приоритетное положение среди модальных: прежде всего значение возможности противопоставляется значению действительности (непосредственная модальность), в то время

как желательность и необходимость могут быть условием реализации возможности, способом превращения возможности в действительность (С.С. Ваулина).

Глаголы *смѣти* (*посмѣти*), *дерзати* в значении ‘мочь’ также являются собственно славянскими образованиями. Мотивационные отношения в этимологических гнездах, к которым принадлежат эти глаголы, показывают, что *дерзнути*, как и *мочи*, своей внутренней формой фиксируют становление понятия «мочь» через соотнесение с наличием физической силы, крепости (ср. далее *мощьнь*, *можно*, *недужь*), в то время как *смѣти/сметь* обозначило важность здесь признака духовной силы (смелости, храбрости).

Использование глаголов *успѣти*, *приспѣти*, *достигнути* в сочетании с инфинитивом для выражение модальности возможности (‘мочь’ как ‘достигать цели’), наряду с глаголами *умѣти*, *недоумѣти*, демонстрирует новый уровень рационального осмысления понятия «мочь» (значимость такого параметра, как целеустремленность действия и его обеспеченность интеллектуальным потенциалом).

Среди экспликаторов **модальности желательности** на протяжении всего периода от церковнославянской, древнерусской письменности до современного русского языка лидирующее положение занимает глагол *хотѣти* (предполагаемая этимологическая связь с *хватать* < *xvot-: *xvōt-) – собственно славянское образование (типологически возможность такого образования подтверждает наличие лтш. *gribēt* ‘хотеть’ и *greībt* ‘хватать’ и прус. *kackīnt* ‘хватать’ при слав. *čekati, čakati ‘ждать’).

Самые глубокие исторические корни и широкая представленность через соответствия в модальном значении желательности у глаголов *волити*, *изволити* (семантическое развитие: ‘хотеть, желать’ < ‘предпочитать, избирать’) и *искати* (развитие семантики: ‘искать/желать’ из *‘стремиться, быстро, стремительно двигаться (имея намерение)’). Значительное изменение (или региональный архаизм?) сужение претерпела древняя исходная семантика ‘хотеть, желать’ у глагола *искати* в древнерусском языке – ‘искать в голове вшей’ как выражение особого доверия, благорасположения (часть семантической изоглоссы, включающей западнославянские, балтийские и, видимо, кельтские языки).

Глаголы *желать* и *жадати* в разных вариантах, с разной стилистической маркировкой выступают в литературной или диалектной традиции славянских языков и являют надежные генетические внеславянские связи (с германскими и балтийскими континуантами и другими и.-е.), тем не менее функционально-семантически русское (геср. славянское) *желать* соотносится только с греч. (ε)θέλω, *жадати* с литов. *gedáuti*, греч. ποθέω ‘желаю, томлюсь’, πόθος. Имея исторически сходную мотивировку – ‘(страстно) желать, стремиться, ждать’, эти глаголы обнаруживают отличающуюся реализацию исходной семантики: *жадати* ‘(страстно) желать’ своей исходной семантикой больше обращено к эмоциональной сфере (<‘очень ждать,

тосковать', 'просить умолять', 'быть жаждущим/жадным'), семантика глагола *желать* (и его соответствий) 'хотеть, стремиться', видимо, формировалась через семантику медиальных форм: 'кидать, бросать'; 'стремиться, нестись' > *med.* 'принимать, брать что-л. себе в душу, к сердцу', 'думать и помнить о ком/чем-л.' (и 'стремиться к...').

Относительно *желать* следует сказать о специфике его употребления в древнерусском, известной и другим славянским языкам, заключающейся в том, что др.-рус. *желати* могло означать не только 'хотеть, испытывать потребность', но и 'жалеть о ком-л., скорбеть', *желѣние* 'желание' и 'печаль, скорбь, горесть', *желѣти* 'оплакивать умершего, печалиться, сокрушаться, скорбеть', рус. диал. *жалеть* 'жалеть о ком-л., о чем-л., скорбеть' и 'любить'. Вероятно, дело здесь не только в характере самого чувства-состояния и, безусловно, сильном влиянии христианских этических норм, но и в собственно языковых (фонетических) процессах (смещение **želēti*, **želati*, происходящего из и.-е. **gwhel-* 'желать, хотеть' и **žalēti*, **žaliti* из и.-е. **gwel-* 'жалить, мучить').

Несобственно модальные глаголы, более поздние средства экспликации модальности желательности, для которых значение 'желать' вторично демонстрируют примерно тот же круг исходных значений, мотивировок, что и выше рассмотренные собственно модальные глаголы. Так, внутреннюю форму глагола *желать*, имеющего и.-е. корни, можно представить как 'брать/взять себе в голову, стремиться'. Эта семантическая модель была продолжена на славянском уровне в глаголах *думати*, *мыслити*, *мнити*, *решити*, исходно связанных с обозначением ментальной деятельности, что, в свою очередь, свидетельствует об усилении рационального начала в осмыслении желательности. К этой же группе примыкает *тицатися*, *поттицатися* ('заботиться' как 'беспокоиться, волноваться' → 'желать, стремиться') и *покушатися* (*окушатися*, *искушатися*) 'пытаться, замышлять'. 'Желать' как вариант представления действия в будущем (ср. использование глаголов со значением модальности желательности как формообразующих для форм будущего времени) тесно связан со значением 'ждать', о чем свидетельствуют этимологические связи слав. **žьdati*. Наличие близких отношений между значениями 'желать' и 'ждать' объясняет употребление глаголов *надѣятися*, *чаяти* в значении 'желать'.

На фоне этих семантических моделей представления понятия 'желать' на славянском уровне, продолживших семантические отношения более глубокого историко-культурного пласта, инновацией (регионализмом) выглядит предполагаемая модель формирования семантики глагола *хотеть* – основного экспликатора модальности желательности (при том, что эта же модель явно просматривается в балтийском материале).

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования становления и эволюции в истории русского языка модально-оценочной лексики. Проведенный сравнительно-

исторический анализ выявленной лексики со значением общей положительной и отрицательной оценки, модальности возможности, необходимости, желательности позволил реконструировать мотивационные отношения в рамках этимологических гнезд, в составе которых сформировалась модально-оценочная лексика. Результаты этого анализа, в свою очередь, стали условием, определившим возможность выявления типологии дескриптивных, мотивационных, признаков, формирующих основу функционально-семантической специфики рассматриваемой лексической группы, имеющих историко-культурную диагностичность и определяющих своими генетическими связями и типизацией историко-ареальное и культурное взаимодействие в данном случае восточных славян и славян в целом.

Определившаяся на стыке сравнительно-исторического и историко-культурного рассмотрения языкового материала, представляющего объект исследования, когнитивная модель лексико-семантического поля модальности русского языка воспроизводит этапы развития познавательной деятельности его носителей через представление динамического аспекта структуры той части лексико-семантической системы языка, которая связана с модальной стороной языковой картины мира.

Средства лексической экспликации предметной модальности лишь в незначительной части являются регионализмами индоевропейского и/или древнеевропейского уровня. Аксиологическая же модальность практически не представлена лексикой, происхождение которой бы имело столь глубокий хронологический уровень: а) предполагаемые «окаменелые» следы и.-е. *su- не проявляются в морфологической структуре слов явно, даются только в реконструкции; б) в сфере представления общей отрицательной оценки славянская традиция, возможно, продолжает индоевропейскую, образуя представление о плохом на основе исходного значения 'недостаток/излишек/непарность'.

Значительная часть рассмотренной модально-оценочной лексики сформировалась в праславянский и общеславянский периоды. Поскольку славянский мир тех времен был открытым многим культурным и языковым влияниям был динамичным, меняющим свои пространственно-временные границы, то и процесс становления и эволюции модально-оценочной лексики отразил разновременные приоритеты культурного взаимодействия славян с иными этносами:

- Динамическая модель общей положительной оценки фактов действительности через смену основания оценки позволяет увидеть переход от исходно европейского к более позднему евроазиатскому этапу культурной истории славян, вхождение в пространство культур «средиземноморского типа». Семантическая модель общей отрицательной оценки фактов действительности демонстрирует свою стабильность на разных этапах культурно-языковой истории славян, и она не определяет семантическую эволюцию модального значения только в

заимствованных лексемах *худой, плохой*. Следствием диалога восточнославянской и соседних культур являются отмеченные в лексических средствах русского языка представления аксиологической модальности слов следы значительного влияния в восточнославянском регионе скифо-сарматского (иранского) субстрата и тесного взаимодействия с германцами. Определенную специфику получает лексика субстратно-суперстратного происхождения, формировавшаяся в условиях длительного периода двуязычия носителей языка.

- Генетические связи и особенности функционирования лексических средств представления модальности возможности и необходимости/долженствования свидетельствуют о близости социокультурных истоков формирования представления о возможном и должном у славян и германцев и об определенном сходстве в языковой интерпретации этой понятийной сферы славян с балтами и кельтами. Лексическая экспликация модальности желательности демонстрирует определенное сходство средств и способов ее выражения в древнерусском (славянских) и балтийских языках.

Системный и семантико-типологический подходы к рассматриваемому материалу обусловили предлагаемые в данной работе новые этимологические решения для части модально-оценочной лексики русского языка. Это стало возможным, в частности, в результате понимания и учета повышенной актуальности параметра типичность/нетипичность семантической модели общей (положительной) оценки (при решении вопроса о происхождении лексем *благой, красный*) или совместимость/несовместимость предполагаемой историко-культурной парадигмы и хронологических параметров (что реализовалось применительно к этимологии лексем *худой, плохой; долг/должен*).

Типизация языкового материала, реализующего категорию модальности, с помощью историко-культурных схем («культурно-обусловленных сценариев») позволила доказать историческую устойчивость структуры некоторых модальных языковых представлений (так называемая «скрытая память языка»), коррелятивность логики формирования модально-оценочных смыслов и границ определенных историко-культурных континуумов, представленную в типологических и генетических изоглоссах этих континуумов, инокультурное влияние (особенно «возмущающее» в случае субстратно-суперстратных отношений) в процессе осмысления славянами таких культурнозначимых категорий, как ‘хорошее’, ‘плохое’, ‘должное’, ‘возможное’, ‘желаемое’ (уточним: инокультурное влияние на славянские языки просматривается в основном в формировании их лексических средств выражения общей оценки).

Реализация интегративного и интердисциплинарного подходов в диахроническом исследовании позволила выявить глубокие историко-культурные корни становления категории

модальности, взаимодействие ее основных смысловых видов – аксиологической модальности и модальности необходимости, возможности, желательности – в истории русского языка.

Основное содержание работы отражено в публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией

1. Дронова Л.П. Языковые контакты и проблемы реконструкции концептов // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Культурология. Филология». № 277. Июнь 2003 г. С.172–177 (0,6 п.л.).

2. Дронова Л.П. Общеотрицательная оценка в зеркале языка (лингвокогнитивный аспект) // Сибирский филологический журнал. 2003. № 1. С. 130–137 (0,45 п.л.).

3. Дронова Л.П. Поиски оптимизации семантической реконструкции // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Культурология. Филология». № 278. Июнь 2004 г. С. 212–215 (0,4 п.л.).

4. Дронова Л.П. Ранний этап истории общей оценки в германских языках // Вестник ТГПУ. 2005. Вып.4 (48). Серия гуманитарные науки (Филология: Индоевропейские и сибирские языки). С. 32–35 (0,4 п.л.).

5. Дронова Л.П. Прилагательное *благой* в историко-культурном контексте // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. Гуманитарные науки. Вып. 10. С. 185–190 (1 п.л.).

6. Дронова Л.П. Откуда пришло *должное*? (К проблеме языкового отражения евроазиатского культурного диалога) // Вестник Томского государственного университета. № 291. Июнь 2006. Серия «Филология». С. 157–164 (0,9 п.л.).

7. Дронова Л.П. Языковая история понятия «хороший» и «плохой» славянской традиции в контексте евроазиатского диалога // Вестник НГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 4. Вып. 1. Новосибирск, 2006. С. 70–79 (0,85 п.л.).

Монография

8. Дронова Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 256 с. (16 п.л.)

Публикации в других изданиях

9. Дронова Л.П. Семантическая реконструкция и проблемы этимологии славянского **gospodь* // Первая Всероссийская конференция по проблемам сравнительно-исторической индоевропеистики. Тезисы докладов. – М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 9–10 (0,2 п.л.).

10. Дронова Л.П. Термины торговли в германской языковой традиции // Романо-германские лингвистические исследования и методика преподавания иностранных языков: Материалы международной конференции (часть 2). – Томск, 1997. С. 28–31 (0,3 п.л.).
11. Дронова Л.П. О морфосемантических полях иноязычной лексики // Материалы всероссийской конференции, посвященной 120-летию Томского университета (27-29 марта 1998 г.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 216 – 218 (0,25 п.л.).
12. Дронова Л.П. Концепция фронта в сопряжении с лингвистической проблематикой // Европейские исследования в Сибири. Материалы Всероссийской научной конференции «Американский и сибирский фронт» (6-8 февраля 2001 г.). – Томск: ТГУ, 2001. С. 229 – 233 (0,25 п.л.).
13. Дронова Л.П. Из истории слов общей оценки в славянских языках // III Славистические Чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова. Материалы международной конференции (12-14 сентября 2001 г.) – СПб.: СПбГУ, 2002. С. 40 – 42 (0,2 п.л.).
14. Дронова Л.П. Концепт «любовь» в зеркале диалектов и этимологии // Русская диалектная этимология. Материалы IV Международной научной конференции (22–24 октября 2002 г.). – Екатеринбург: УрГУ, 2002. С. 118 – 120 (0,25 п.л.).
15. Дронова Л.П. Из истории прилагательных общей положительной оценки древнерусского языка // Картина мира: модели, методы, концепты. Материалы Всероссийской международной школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука» (1–3 ноября 2001 года) / Под общ. ред. проф. З.И. Резановой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 68 – 73 (0,35 п.л.).
16. Дронова Л.П. Исторический и ареальный аспекты концепта «любовь» // Сравнительно-историческое исследование языков: Современное состояние и перспективы. Тезисы докладов международной научной конференции (22–24 января 2003 г.). – Москва: МГУ, 2003. С. 49 – 51 (0,25 п.л.).
17. Дронова Л.П. Лексика общей отрицательной оценки русского языка // IV Славистические Чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова. Материалы международной научной конференции (12–14 сентября 2002 г.). – СПб.: СПбГУ, 2003. С. 42–44 (0,25 п.л.).
18. Дронова Л.П. Лингвистическая контактология как развитие интегративной направленности современной науки о языке // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Сборник научных трудов, посвященных 10-летию кафедры русского языка и литературы института языковой коммуникации Томского политехнического университета. – Томск: Изд-во ТПУ, 2003. С. 12–14 (0,25 п.л.).

19. Дронова Л.П. Концептуальный анализ в диахронных исследованиях // Миромоделирование в языке и тексте: сборник научных трудов / Под ред. З.И. Резановой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 8–18 (0,5 п.л.).

20. Дронова Л.П. История становления общей отрицательной оценки в зеркале польского языка // Методика преподавания славянских языков как иностранных с применением технологий диалога культур. Материалы международной конференции (18–19 сентября 2003 г.). – Томск: ТГПУ, 2004. С. 118–121 (0,25 п.л.).

21. Дронова Л.П. Языковая история становления оппозиции «свой – чужой» и категории оценочности // Европейские исследования в Сибири. Вып. 4. Материалы международной научной конференции «Американский и сибирский фронт» (апрель 2003). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 267–280 (0,8 п.л.).

22. Дронова Л.П. История становления общеоценочной оппозиции в русском языке как факт межкультурного взаимодействия // Межрегиональная конференция славистов «Русское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития» / Материалы Всероссийского совещания славистов (23–24 октября 2003 г.). М.: Ин-т славяновед-я РАН, 2005. С. 354–363 (0,5 п.л.).

23. Дронова Л.П. Синхрония и диахрония в контексте современной научной парадигмы // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: Материалы II Всероссийской конференции, посвященной памяти профессора И.А. Воробьевой (Барнаул, 7–9 октября 2004 г.) / Под ред. Л.И. Шелеповой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 194–205 (0,6 п.л.).

24. Дронова Л.П. История становления общеоценочной лексики русского языка: семантика положительной оценки // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / Л.П. Дронова, Л.И. Ермоленкина, Д.А. Катунин и др.; Отв. ред. З.И. Резанова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 13–110 (5 п.л.).

25. Дронова Л.П. Синхрония и диахрония: лицом к лицу (к проблеме методологии интеграции) // Филология и философия в современном культурном пространстве: проблемы взаимодействия. / Под ред В.А. Суханова. –Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 24–41 (0,75 п.л.).

26. Сравнительно-исторический взгляд на взаимодействие общей оценки и модальности долженствования (на материале славянских языков) // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспекте: Тезисы докладов международной научной конференции (Москва, 31–3 февраля 2006 г.) / Сост. В.К. Казарян. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. С. 22–23 (0,2 п.л.).